

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И
ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Выпускная квалификационная работа
соискателя на степень бакалавра
Кузнецовой Оксаны Анатольевны

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. **Петрова Е.С.**

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Теоретические основы изучения ситуации восприятия и оценки художественного текста	6
1. Исследование когнитивной и речевой деятельности человека	6
2. Определение языковой личности	10
3. Художественный текст и читатель	11
4. Понятие интертекстуальности художественного текста	14
5. Лингвистическая категория оценки	17
5.1. Структура оценки	17
5.2. Классификация оценок	20
5.3. Экспрессивность высказывания как аспект индивидуальной оценки	23
6. Выводы к 1 главе	25
Глава 2 Анализ взаимодействия текстов и оценка литературного произведения	27
2.1 Способы создания интертекстуальности	27
2.1.1 Метатекстовые включения	27
2.1.2 Виды текстовых номинаций художественных произведений	31
2.2 Актуализация в тексте элементов структуры оценки	36
2.2.1 Субъект оценки	36
2.2.2 Определение объекта оценки	39
2.2.3 Характер и основания оценки	42
2.3 Экспрессивные средства выражения оценки в англоязычном тексте и переводе на русский язык	48
2.4 Выводы ко 2 главе	52
Заключение	55
Список использованной литературы	58
Список художественных текстов	62
Приложение на электронном носителе информации	

Введение

В центре внимания современной лингвистики находится человек, в частности, его когнитивная, речемыслительная деятельность, как процесс отражения в сознании и воспроизведения с помощью языка картины мира.

Художественный текст является ценным материалом для исследования психологических, интеллектуальных, эмоциональных аспектов личности, процессов осмысления окружающего мира и формирования речевого высказывания в определенном социокультурном пространстве. Поэтому художественная литература широко используется в работе учеными – представителями гуманитарных наук: лингвистами, литературоведами, психологами, философами, библиотековедами, реализующими антропоцентрический подход к исследованиям.

Литературное произведение в художественном тексте актуализируется в ситуации описания, восприятия и оценки реципиентом; представляет собой сложный комплекс, содержащий различные оценочные категории, является одновременно репрезентацией личности, отношения к действительности и стимулирует когнитивный процесс.

Изучению языковых средств, содержащих характеристику литературного произведения через призму восприятия автора и персонажей, посвящена данная работа.

Объект исследования составляет интертекстуальность, в данном случае представленная взаимодействием художественных текстов.

Предметом исследования служат языковые фрагменты англоязычного текста, содержащие характеристику литературного произведения, и их передача средствами русского языка.

Актуальность исследования обусловлена комплексным подходом к изучению речемыслительных процессов в ситуации перцепции и оценки художественного текста с позиции прагматики, стилистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней мыслительная и речевая деятельность человека исследуется в ситуации восприятия, описания и оценки литературного произведения.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить средства языковой актуализации характеристики литературного произведения на основе авторской и внутренней речи героя в англоязычном художественном тексте и переводе на русский язык.

В соответствии с поставленной целью определяются следующие задачи данного исследования:

1. Изучить существующие концепции исследования речемышлительных процессов в ситуации восприятия и оценки художественного произведения.
2. Рассмотреть многообразие видов и параметров лингвистической категории оценки.
3. Проанализировать фрагменты англоязычных художественных текстов содержащих характеристику и оценку литературных произведений для выявления функциональных культурологических аспектов книги и чтения.
4. Выявить способы текстовой номинации художественных произведений и способы создания интертекстуальности при упоминании художественных произведений.
5. Определить основные критерии оценки художественного текста с точки зрения речемышлительной деятельности.
6. Сравнить языковую актуализацию оценки художественного текста в английском языке и русском переводе.

Основным методом исследования является метод лингвистического описания, структурно-прагматический анализ, лексико-грамматический и когнитивно-информационный анализ.

Материалом для исследования являются фрагменты текстов современной англоязычной художественной литературы и их перевод,

содержащие характеристику литературных произведений, авторскую оценку или оценку героя художественного произведения.

Теоретическое значение работы состоит в определении критериев анализа характеристики литературного произведения, с точки зрения перцептивной и речемыслительной деятельности человека; детерминации лингвокультурологических особенностей языковой актуализации оценки художественного текста в английском и русском языках.

В практических целях результаты исследований, полученные в ходе работы, могут быть использованы при составлении пособий и лекционных курсов по теории и практике перевода, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии; при обучении практическому владению английским языком.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав и заключения. К работе прилагается список использованной литературы, список текстов, приложение на электронном носителе информации.

Глава 1 Теоретические основы изучения ситуации восприятия и оценки художественного текста

Рассмотрим существующие концепции в изучении места и роли языка в системе познания человеком мира, связи языка с сознанием, мышлением; вопросы определения языковой личности и ее взаимодействия с художественным текстом, как феноменом культуры, отражающим различные формы межтекстового взаимодействия в определенном национальном, социальном, историческом пространстве в процессе восприятия и создания индивидуумом собственного текста – оценочного суждения; параметры лингвистической оценки в англоязычном тексте и переводе на русский язык.

1. Исследование когнитивной и речевой деятельности человека

Многие ученые отмечают, что со второй половины XX века в центре научного интереса находится человек, как сложный комплекс биологических, интеллектуальных и социальных аспектов. На стыке наук, изучающих процессы познания, мышления, порождения и восприятия речи, коммуникации возникли новые направления: когнитивная лингвистика, антрополингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика, социолингвистика.

У истоков этих наук – психологи, лингвисты, философы, физиологи: Л.С. Выготский, В.В. Виноградов, И.А. Бодуанэ де Куртенэ, А.Р. Лурия, Н.А. Бердяев, М.М. Бахтин, А.Н. Леонтьев, В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Н.А. Рубакин. Впоследствии, в данных областях работали: Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.Г. Гак, А.А. Леонтьев, А. Вежбицкая, Ю.Д. Апресян, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, В.В. Красных, Ю.Н. Караулов и другие.

Еще в 30-е гг. XX века выдающийся советский психолог Л.С. Выготский одним из первых высказал идею о том, что: «мысль совершается в слове», т.е. имея некие невербальные истоки, окончательно формируется в процессе высказывания, а не содержится в мозгу человека в законченном виде, как считали его предшественники (Выготский, 1968: 190). О неразрывной связи языка и мышления писал В. фон Гумбольдт, указывая на

необъяснимую зависимость мысли, слуха и голоса (Гумбольдт, 2013: 49). Позже, А.Р. Лурия отмечал, что процесс вербализации мысли остается «наименее изученным в психологической науке» (Лурия, 1979: 191). Процессы мышления, сознания, познания находятся в центре внимания когнитивной науки. Под сознанием лингвисты, вслед за психологами, понимают высшую форму отражения действительности, одну из форм психики, присущей только человеку. Языковое сознание производит тексты. Мышление – процесс сознательного отражения действительности, которая включает и недоступные для непосредственного восприятия явления. Познание – возможно только через мышление (Красных, 2012: 122). Естественный доступ к мыслительным процессам обеспечивает язык. Он служит не только для приема/передачи информации, но и обрабатывает, систематизирует знания человека, выступает как «когнитивный механизм» и «когнитивный инструмент»; данные функции языка, а также язык как «система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» изучает когнитивная лингвистика (Кубрякова 1996: 53).

Исследование языка, как участника познавательной деятельности человека расширяет «горизонты лингвистических исследований» (Петухова, 2007: 14). Язык стал важнейшим источником информации о человеке, его внутреннем мире, процессе мышления. С одной стороны, формирование речемышлительной деятельности человека происходит в ситуации исследования окружающего мира. По мнению, Н.Д. Арутюновой язык «формирует сознание» (Арутюнова, 1999: 325). С другой стороны, мир обретает свои черты именно через осознание индивидом. Не случайно, при описании и оценке окружающей действительности, человек активно использует метафоры, связанные с его обликом, эмоциональным и физическим состоянием, и отражает новое знание через старое. Интересной представляется теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа, М. Джонсона, в соответствии с которой, метафора является языковым

отображением процессов мышления (Lakoff, 1980: 3, 156). Указывая на существование и вербальных, и невербальных форм мышления, ученые также отмечают, что язык – основной способ выражения мысли. Та мысль, которую мы можем воспринимать, рождается вместе с высказыванием. Таким образом, язык, наряду с мышлением, сознанием, знанием образует систему, на которой строится познавательная, мыслительная и речевая деятельность человека.

А.А. Леонтьев определял речевую деятельность, как систему речевых действий, в качестве объекта лингвистики (Леонтьев, 2014: 27). Как и другие виды деятельности, она является целенаправленной, социально-детерминированной, структурированной (Кубрякова, 2016: 25). Данный вид деятельности имеет две стороны: порождение речи и восприятие. Рассматривая особенности речепорождения и речевосприятия, В.Б. Касевич выделил специфические аспекты, присущие данным процессам. Порождение речи он определил, как «переход «смысл – текст» (Касевич, 2017: 344). Смысл (образно-чувственная сфера за пределами языка) – результат взаимодействия индивида, как части культуры, и ситуации. На уровне смысла уже определяются тема и рема будущего высказывания, семантические роли (персонажи, участвующие в сценарии), синтаксическая форма и лексическое наполнение. Более изученным является процесс восприятия речи, включающий в себя и физиологические возможности перцептивного аппарата, и единицы восприятия (членение текста на сегменты), и адекватность восприятия, и специфику восприятия текста, выраженную в его протяженности во времени, что приводит к тому, что реципиент имеет дело с фрагментом текста, а оценивает весь объем.

В центре данного исследования – человек, его речемыслительная деятельность. Многие исследователи рассматривают человека как единство трех аспектов: 1) физический: тело, внешность; 2) внутренний: душа, ум, чувства, сознание, характер, эмоции; 3) общественная сущность: общение, мораль, ценности (Маслова, 2007: 34). Изучая, формируя, с помощью языка,

собственное представление об окружающем мире, человек создает картину мира. Выражая ее языковыми средствами, он создает языковую картину мира, в которой находит отражение личный, общественно-исторический, национальный опыт. В. фон Гумбольдт видел язык, как духовную силу нации и считал, что «говорить - ... значит примыкать своим индивидуальным чувством к общечеловеческой природе». (Гумбольдт, 2013: 52). По мнению В.А. Масловой, в языке выражается сознание, которое «формируется под воздействием родной культуры» (Маслова, 2016, 75). В результате образуется концептосфера, т.е. совокупность концептов – все знание об объекте, явлении, которое «закрепилось в семантике языковых единиц и входит... в языковую картину мира народа» (Иванова, 2011: 283).

Внимание современной лингвистики направлено на триаду: человек – язык – культура, их взаимодействие, охватывающее все виды человеческой деятельности. Культура, с одной стороны, зависит от языка, с другой стороны – на него влияет. Следовательно, на основе языкового анализа, можно сделать вывод о культурологических особенностях нации. Так А Вежбицкая, на базе собственных исследований английского языка, делает вывод, что англосаксонская культура не одобряет эмоционального поведения, публичного проявления эмоций (Вежбицкая, 1996: 41). В то время, как в русском языке, представлен богатейший словарь для выражения эмоций и экспрессивности. В.А. Маслова отмечает, разницу между английским словом: *intelligence* и русскими понятиями: интеллект и интеллигентность; слово «разум» для русского человека включает этическую оценку и предполагает наличие доброты, скромности. Для американца, это способность к практическому решению вопроса; ясная речь; умение принимать других людей такими, какие они есть.

Таким образом, высказывания индивидуума из «пространства культуры» - это «культурно окрашенные единицы языка, отображающие национальное мировидение и миропонимание» (Маслова, 2007: 174). Исследование процесса восприятия и оценки художественного произведения,

ее языковая репрезентация, и таким образом, изучение языковой картины мира, языкового сознания получает сегодня все большее распространение.

1.2 Определение языковой личности

Особый интерес для данного исследования представляет понятие «языковая личность». В.А. Маслова отмечает, что личность становится языковой личностью только в процессе социализации, что предполагает: 1) включенность в социальные отношения, таким образом реализуется культурно-историческое знание общества; 2) речемыслительную деятельность, соответствующую нормам этноязыковой культуры; 3) процесс усвоения психологии, присущей данному народу.

Одним из первых, термин «языковая личность» употребил В.В. Виноградов. Интересно, что в своей работе «О языке художественной прозы», он использовал его наравне с «литературной» и «поэтической личностью». И только в конце XX века, появились дефиниции данного понятия. Остановимся на теориях, получивших наибольшее распространение.

Г.И. Богин рассматривал языковую личность с точки зрения человека, готового «производить речевые поступки» (Богин, 1980: 3). Позднее он дополнил эту модель, способностью принимать и создавать произведения речи. В широкий обиход понятие ввел Ю.Н. Караулов. С одной стороны, он определял языковую личность как «совокупность характеристик и способностей» к созданию и восприятию текстов, с другой, это - «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык» (Караулов, 1987: 38, 245). Описывая структуру языковой личности, Ю.Н. Караулов выделил три уровня: 1) вербально-семантический, т.е. использование и описание единиц языка, 2) когнитивный уровень, как путь к познанию через язык, 3) прагматический, включающий в себя цели, интересы, мотивы личности.

В.В. Красных использует термин «человек говорящий» для обозначения индивидуума, одним из видов деятельности которого является речевая деятельность, исследователь определяет ее, как овладение первым и

последующими языками, их использование, «а также познание окружающего мира, опосредуемое языковыми значениями, и осмысление» (Красных, 2016: 16). Таким образом, человек говорящий – это «совокупность «личностных феноменов – личность 1) языковая, 2) речевая и 3) коммуникативная. Языковая личность владеет определенным набором знаний, которые реализует в речи. Речевая личность проявляет себя в коммуникации, используя нужные средства для достижения прагматических целей. Коммуникативная личность – участник реального коммуникативного акта.

Данные теории легли в основу более поздних определений В.П. Нерознака, С.Г. Воркачева, О.Б. Сиротининой, Т.В. Кочетковой, В.И. Карасика. Условно их можно разделить на три группы, обозначающие 1) родовое понятие («человек», «совокупность речевых способностей», «личность»), 2) уровень обобщенности (реальный носитель, или модель: персонаж художественного произведения, социальный типаж), 3) основная область анализа (разность подходов обусловлена отличиями в представлении о предмете и объекте исследования) (Иванцева, 2010: 26-30).

Поскольку в центре исследования – персонаж литературного произведения в ситуации восприятия и оценки художественного текста, наиболее интересным представляется следующие определения, рассматривающие языковую личность, как 1) способ описания языковых способностей, соединяющих «системное представление языка с функциональным анализом текстов», 2) носителя языка, охарактеризованного «на основе анализа произведенных им текстов... для отражения видения окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей» (Русский язык: Энцикл., 1997: 671).

1.3 Художественный текст и читатель

Культура, по мнению Ю.М. Лотмана, жива своими текстами. Ее возникновение обусловлено склонностью людей к рефлексии. Определяя понятие культуры, ученые, обычно, указывают, что это результат специфической человеческой деятельности; наследственная, коллективная

память. При этом, художественный текст более успешно, чем, например, научный, аккумулирует и передает опыт человечества, так как использует «интуитивно-образные модели, которые зачастую не могут быть формализованы» (Маслова, 2007: 159).

Центральными категориями культуры являются культурные ценности, как ориентиры, отражающие значимое отношение человека к миру: универсальные (общечеловеческие), национальные, религиозные и другие. Каждый человек является частью исторического, этнического культурного пространства, а язык - средством его формирования и отражения. Функционирование единого языкового пространства происходит на базе корпуса художественных текстов, обеспечивающего производство и воспроизводство «качественных высказываний», так как именно в тексте проявляется духовный мир человека. (Найденова, 2014: 17). При этом актуализация текста происходит в момент коммуникации, он «обретает реальность» только в сознании адресанта (Лотман, 2010: 209). Создавая художественный текст, обращенный к некоему абстрактному, лишенному индивидуальности читателю-носителю общей культурной памяти, писатель воспроизводит модель: «Тема – Приемы выразительности – Текст» (концепция Жолковского – Щеглова). Читатель воспроизводит этот процесс в обратном порядке: от текста к замыслу, при этом вкладывает в него отражение собственной личности, соотносит со сложным ассоциативным рядом, знанием, обращаясь не только к действительности, но и к другим текстам.

Как явление искусства, литературное произведение обладает скрытой «самобытной эстетической информацией» (Сырица, 2014: 8). Чтобы получить ее, необходимо прибегнуть к интерпретации, основанной, с одной стороны на анализе, с другой – на читательской интуиции. Чтение, таким образом, одновременно является и коммуникативным процессом передачи информации и воздействия на реципиента, и интеллектуальным, творческим процессом обработки данной информации. «Художественная литература

содержит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология» (Теплов, 1985: 306).

В начале XX века основоположник библиопсихологии Н.А. Рубакин высказал тезис о «примате» читателя и определил объект нового научного направления, как изучение комплекса: читатель – книга (текст) – автор. Библиопсихология полагает важным рассматривать данную триаду в единстве всех компонентов, при этом исходит из того, что главным является читатель, так как от его нравственных и интеллектуальных качеств зависит смысл и значимость текста; книга, литература рассматриваются как «возбудители реакций» (Рубакин, 2014: 76). Развитие этих идей привело к формированию новых отраслей: библиопедагогике, библиотерапии, изучающих влияние книги на читателя, механизмы передачи знания, роль чтения в формировании мировоззрения, эмоциональном становлении, организации социального поведения. Особое место в теории этих дисциплин занимает творческое чтение и его отношение к жизни. Исследователи отмечают, что литературное произведение побуждает читателя к размышлениям о жизни, ее вечных вопросах, оценке и переоценке ценностей, себя, других людей. Н.А. Рубакин считал чтение – началом, конечную цель он видел в творчестве жизни.

Таким образом, осмысление, оценка литературного произведения всегда носят индивидуальный, субъективный характер, который обусловлен и особенностью восприятия, и заложенной в художественном тексте возможностью множества толкований. Свобода интерпретаций, тем не менее, не является бесконечной, она ограничена автором. Когда писатель создает произведение, он строит определенную программу его перцепции, т.е. предполагает конкретные реакции реципиента. Реципиент, являясь активным участником данной коммуникации, должен располагать определенным инструментарием, набором навыков и знаний, чтобы принять замысел автора. А.А. Потебня писал, что задача художника не передать свою мысль человеку, а пробудить к жизни его собственную, так как суть художественного

произведения не в том, что хотел сказать автор, а в том, как оно воздействует на читателя: «читатель может лучше самого поэта постигать идею его произведения» (Потебня, 1999: 164).

Для определения литературного произведения в данной работе мы принимаем общепринятую дефиницию и понимаем его как результат человеческой мысли, закрепленной на письме, обладающей общественным значением; включающий все видовое многообразие: произведения публицистического, беллетристического, научного, информационного характера.

Осмысление литературного произведения через призму собственной личности стимулирует познавательную деятельность индивида, удовлетворяет его эстетические потребности, воздействует на эмоциональную сферу, порождает собственный текст – оценочное суждение.

1.4 Понятие интертекстуальности художественного текста

Предметом данного исследования являются фрагменты текстов, содержащие упоминание и оценку литературных произведений; таким образом, одним из ключевых понятий и объектом нашего исследования является интертекстуальность текста.

Художественный текст, как явление культуры, связан с другими текстами и функционирует в едином культурном, информационном пространстве, которое влияет на создание новых текстов и восприятие уже существующих. М.М. Бахтин отмечал, что писатель работает в диалоге с предшествующей и современной литературой. По образному выражению Ю. Кристевой, текст – это «мозаика цитирований», продукт трансформации и влияния другого текста (Кристева, 2013: 74). В лингвистике данное явление выражает понятие интертекстуальности – «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов» (Арнольд, 2010: 71).

В основу исследований интертекстуальности текста легли труды М.М. Бахтина, Ю.Н. Тынянова. Среди зарубежных исследователей – философы и лингвисты: Ф. де Соссюра, Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Женнет, У. Эко.

Значительный вклад в разработку данного понятия внесли отечественные ученые: И.В. Арнольд, Ю.Н. Караулов, И.П. Ильин, Ю.М. Лотман, В.П. Москвин, Ю.П. Солодуб, Н.А. Фатеева, Ю.С. Степанов и другие.

Существует два основных подхода к пониманию интертекстуальности. В широком смысле ее понимают, как универсальное свойство любого текста и рассматривают все тексты как интертексты. В более узком понимании, интертекстуальность – характеристика определенных текстов, содержащих отсылки к другим текстам.

В исследованиях интертекстуальности широко используется понятие «прецедентности», «прецедентного текста», как знака, отсылающего к предыдущему тексту. Система восприятия формируется на основе прецедента, как результат осмысления предыдущего опыта. Ю.Н. Караулов рассматривал прецедентные тексты, как эмоционально и познавательно значимые для личности и ее широкого окружения, включая «предшественников и современников» (Караулов, 1987: 217). Таким образом, к данному типу текстов относятся явления культуры, хорошо известные носителям языка, элементы национальной памяти, которые образуют «лингвокультурное пространство текста» - совокупность языковых средств, отражающих характерные черты данной культуры (Елизарова, 2000: 117). Необходимым условием прецедентности текста является его символизация (Русское культурное пространство: лингвокульт. словарь, 2004: 15).

Итак, интертекстуальность текста реализуется через его способность «формировать свой смысл посредством отсылок к другим текстам», выявления «смысловой полифоничности» (Муратова, 2012: 30). В тексте формируются выдвигания (включения), подчиненные общему замыслу литературного произведения. В лингвистике описаны различные подходы к их систематизации. В частности, И.В. Арнольд определяла общий признак текстовых включений – смену речевых субъектов (высказывание перепоручается персонажу). По форме включения могут быть разными: эксплицитные высказывания маркированы, имеют отсылки к другим текстам,

например, цитата или метатекстовые включения (не являются частью текста, но влияют на его осмысление); цитатное заглавие (цитатность не всегда очевидна, требует интерпретации, подсказка может содержаться в авторском комментарии или эпиграфе); собственно, эпиграф – «цитата по определению» (Арнольд, 2010: 75). Имплицитная интертекстуальность в тексте не маркирована.

Взаимодействие между текстами влияет и на порождение текста, и на его восприятие, так как, с одной стороны, предполагает наличие некой общей памяти автора и читателя, с другой стороны, вызывает индивидуальную реакцию, основанную на различии ассоциативных систем языковых личностей. Для читателя, интертекстуальность – возможность более глубокого осмысления, понимания произведения. Для автора интертекстуальное пространство служит источником и средством выражения мысли и, одновременно, способом саморефлексии – творческого познания себя, культуры, мира.

Следует заметить, что перевод интертекстовых включений, подразумевающих осмысление и интерпретацию читателем, представляет определенную сложность, так как фоновые знания, набор прецедентных текстов в культуре оригинала текста и принимающем социуме отличается. Поскольку при переводе художественного текста стоит задача передать не только эксплицитную, но и имплицитную информацию, переводчик «направляет интерпретаторскую деятельность читателя», используя различные решения: сокращение, подбор релевантного по восприятию прецедентного текста, известного носителям принимающей культуры, «дополнительный переводческий метатекст»: комментарии, примечания, сноски (Петрова, Тонкова, 2004: 264, 268).

Таким образом, в теории интертекстуальности находят отражение и различные формы межтекстового взаимодействия, и диалог автора и читателя. Интертекстуальность относится к актуальным направлениям исследований, так как определяется задачами адекватной интерпретации

текста и позволяет находить новые смыслы, изучая введение «текста в культурное пространство другого текста с целью достижения смысловой глубины, новизны и передачи культурной традиции» (Худолей, 2015: 197). Поэтому, вопросы номинации литературных произведений и способы создания интертекстуальности в тексте находятся в центре внимания данного исследования.

1.5 Лингвистическая категория оценки

Далее, на основе исследований ученых – лингвистов, философов рассмотрим различные параметры оценки, ее характер, основание, способы и особенности речевого выражения в определенном лингвокультурологическом пространстве.

1.5.1 Структура оценки

Оценка литературного произведения, как и оценочное суждение в целом, предполагают наличие эмоционального и рационального компонентов. М.М. Бахтин подчеркивал важность оценки в языке, отмечая, что речевое высказывание соединено с ценностным акцентом, который является неотъемлемой частью слова.

А.А. Ивин одним из первых исследовал оценки с точки зрения логики. Определяя структуру оценки, выраженной в языке, он указывает на ее четыре обязательных компонента: субъект, предмет, характер, основание.

Субъект оценки – лицо или группа лиц, выражающие данную оценку, приписывая предмету или явлению некую ценность. Это личное, субъективное мнение; оценки разных людей могут быть диаметрально противоположными, при этом оставаясь истинными. Меняться оценка может не только от человека к человеку, но и у одного лица с течением времени или под влиянием внешних и внутренних факторов.

Предмет – объекты, которым приписываются ценности или сопоставление их ценности между собой.

Характер – все оценки делятся на две категории: абсолютные и сравнительные. В абсолютных оценках используют определения: «хороший»,

«плохой», «добро, зло», «безразличный». Сравнительная оценка выражается терминами: «лучше», «хуже», «равноценно» и определяет превосходство одного из предметов или их равноценность. С точки зрения А.А. Ивина и абсолютные, и сравнительные «оценочные понятия образуют триплеты»: хорошо – безразлично – плохо; лучше – равноценно – хуже; было – есть – будет; больше – равно – меньше; более эстетически ценно – имеющее такую же эстетическую ценность – менее эстетически ценное (Ивин, 1970: 24).

Основание – некий базис, на котором строится оценка: система знаний, убеждений, предубеждений. Исследование основания оценки представляет сложность, так как оно обычно не находит языкового выражения в коммуникации.

В основе оценки лежит понятие о ценности. Ценность (оценивание) А.А. Ивин определял, как отношения между субъектом и предметом оценки и отмечал, что она может быть положительной, отрицательной и нулевой. Каждый индивидуум обладает персональной системой ценностей, собственным представлением о мере хорошего и плохого: «Всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте» (Бахтин, 2003: 31). Система ценностей человека складывается из индивидуальных и коллективных ориентиров, обусловленных особенностями культуры и отражающих «ценностную парадигму общества» (Трипольская, 1999: 24). Ценностные ориентиры также определяют, как культурные ценности, среди которых выделяют: общечеловеческие (универсальные) и идеоэтнические (национальные) (Маслова, 2007: 167).

По мнению Е.М. Вольф, с точки зрения семантики, оценка подразумевает «ценностный аспект значения языковых выражений» и может интерпретироваться следующим образом: субъект оценки (А) полагает, что объект оценки (Б) «хороший/плохой» (Вольф, 2002: 6). В языке ценностные ориентации закреплены в семантических, иногда – в синтаксических структурах: оценочными могут быть аффиксы (собака, собачонка), слова,

группы слов, высказывания. Ну уровне лексики это могут быть прилагательные и наречия (хороший/плохой, хорошо/плохо); существительные (старикашка, кляча); глаголы (радоваться, огорчаться). При этом, слова могут означать оценку со знаком «+» или «-» с разной степенью интенсификации (великолепный = «хороший» + интенсификация). Оценочные высказывания могут содержать, могут не содержать оценочную лексику (Вася вымыл руки. – «хорошо»). В модальных высказываниях также присутствует оценка (Нельзя перебегать улицу! – «плохо»). При этом, нельзя не отметить асимметричность данных оценок, так как понятие «хорошо» включает в себя и соответствие норме и ее превышение, а «плохо» - означает отклонение от нормы. С точки зрения языка, оценки носят универсальный характер, т.к. во всех языках есть понятие: «хорошо/плохо», индивидуальность языков проявляется в способе выражения.

Н.Д. Арутюнова отмечала, что оценочное (эмотивное) высказывание противостоит дескриптивному, цель которого – нейтральное фиксирование восприятия человеком окружающей действительности (Арутюнова, 1999: 179). Между объектом оценки и оценочным предикатом всегда стоит человек (группа, нация) со своей идеализированной картиной мира – в которую входят и уже существующие люди, предметы, явления, и представления о них, и те, к которым человек стремится. Без человека нет оценки. Оценивая действительность через призму идеального мира человек устанавливает модальность: желаемое, должное, удовольствие, необходимость. Модальность относится не к отдельным элементам, а ко всему высказыванию в целом, и, таким образом, является компонентом высказывания.

Важным аспектом оценки является взаимодействие субъективного и объективного факторов. В объекте сочетаются субъективные признаки – отношение субъекта, и объективные – свойства объекта. Субъект одновременно опирается на свое отношение к объекту и на стереотипное представление и/или шкалу оценок. Оценочный стереотип является неотъемлемой частью оценки, основой абсолютной оценки. Без стереотипа,

имеющего «стандартный набор признаков, общих для всех или большинства членов данного социума», соотнесение оценок, а, следовательно, и коммуникация были бы невозможны (Вольф, 2002: 58). В структуре стереотипа: дескриптивный признак объекта и его соотношение с оценочной шкалой. Шкала оценок представляет собой структуру, в центре которой – зона нейтрального отношения, зоны положительного и отрицательного противопоставлены друг другу. Нейтральная позиция отражает относительное равновесие признаков «хорошо/плохо» и представляет собой класс свойств, которые не отличаются между собой по качеству или соответствуют норме (обычный, нормальный, типовой).

Таким образом, в оценочных выражениях объективные и субъективные факторы неразрывно связаны, что порождает вопрос об истинности/ложности оценки. Современные научные направления, в частности, теория речевых актов рассматривает оценочные высказывания не с точки зрения истинности, а с точки зрения искренности субъекта.

1.5.2 Классификация оценок

Классификация оценок находится в центре внимания ученых на протяжении веков. Например, Аристотель разделял понятие «добра» или ценности на: 1) внешние блага, 2) блага, относящиеся к душе, 3) блага, относящиеся к телу. Многие авторы разделяли понятие ценности как средства и как цели. Шарль Балли выделял три области применения оценки: 1) реакции удовольствия – неудовольствия, 2) категории добра и зла, 3) сфера прекрасного и безобразного.

Подробную классификацию оценок первым предложил фон Вригт, опираясь на прилагательное «хороший» и его антонимы:

- 1) инструментальные оценки (хороший нож),
- 2) технические оценки или оценки мастерства (хороший специалист, плохой администратор),
- 3) оценки благоприятствования (плохой/вредный для здоровья),
- 4) утилитарные оценки (хороший совет, плохой план),

- 5) медицинские оценки (хороший вкус, плохая память),
- 6) гедонистические оценки (хороший запах, плохая погода).

Этическую оценку (добрая воля, плохой поступок) ученый рассматривал как вторичную по отношению к благоприятствованию. Таким образом, фон Вригт выделил опорные категории употребления оценки (Wright, 1963).

Е.М. Вольф разделяла понятия абсолютной и сравнительной оценки. В первом случае, речь идет, как правило, об одном объекте, во втором – по меньшей мере, о двух объектах или двух состояниях объекта. Абсолютная оценка содержит невыраженное сравнение, так как опирается на стереотип или имеет оценочную шкалу и выражается в языке более простым способом, преобладает в естественном языке (эта книга интересная).

Многие исследователи (Л.В. Выготский, А.Н. Леонтьев, Ю.Д. Апресян, Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова) говорят о единстве мышления и эмоций, так как человеческой мысли присущи одновременно логическое содержание и чувство. Поэтому деление оценок на эмоциональные и рациональные является, во многом, условным. Однако, способы их выражения в языке часто показывают, что лежит в основе оценочного суждения – психологическая или интеллектуальная позиция субъекта (категории: чувствовать – считать). Мысль может иметь эмоциональную доминанту или логическую (Балли, 1961: 22). Ряд специалистов, например, К.Э. Изард придерживаются мнения о первичности эмоций, организующих мышление и деятельность и формирующих мотивационную систему (Изард, 1980: 15). Другие ученые считают, что любая эмоция основана на когнитивной интерпретации окружающей действительности и причиной эмоций считают интеллектуальную оценку положения вещей (Апресян, 1995: 354). Е.М. Вольф к эмоциональным оценкам относит непосредственную реакцию на объект (характерно употребление междометий, стилистически окрашенных слов), и отмечает, что они, как правило, экспрессивны. Рациональные оценки предполагают знание, часто содержат выражения размышления, мнения

(выражения: «я считаю», «по общему мнению»). Наиболее ярко это различие проявляется в речевых актах, направленных к собеседнику и обусловленных прагматической целью говорящего: вызвать эмоциональную реакцию, воздействовать на чувства или выразить мнение, добиться согласия.

Согласно Н.Д. Арутюновой, каждый предмет оценки обладает неопределенным набором свойств, положительных и отрицательных факторов, которые учитываются при формировании оценочного высказывания. Автор предлагает модель выведения общей оценки, обеспечивающую лексическую релевантность:

- 1) Выделить свойства объекта оценки. Общеоценочный результат складывается из соотношения частных положительных и отрицательных частнооценочных предикатов.
- 2) Общая положительная оценка может быть снижена из-за отдельных недостатков (мал да удал), отрицательная не исключает положительных черт (хоть удал, да уж очень мал).
- 3) Необходимо сравнивать объекты, имеющие относительно общее основание, так как для выведения оценки используются количественные показатели.
- 4) Согласие в частных оценках не означает согласие в общей оценке. Истинность утверждения не гарантирует признания правоты собеседником.
- 5) В монологической речи, цель которой - представить общую оценку (отзыв, рецензия, характеристика), все утверждения «приобретают аксиологическую маркированность», т.е. содержат ценностный компонент.

Н.Д. Арутюнова делит оценочные высказывания на «общеоценочные предикаты» и «частнооценочные» (Арутюнова, 1999: 194). К общеоценочным предикатам относятся понятия: хороший, хорошо, плохой, плохо и их синонимы: полезный, великолепный, скверный, прекрасный. Среди других категорий оценок, понятие «хороший – плохой» выделяется

разноплановостью: учитывает реальные свойства объекта, их соответствие/ несоответствие существующей или идеальной норме, приятное/неприятное ощущение от восприятия, психоэмоциональное состояние субъекта, процесс принятия решения.

В основе классификации частнооценочных значений – взаимодействие субъекта и объекта оценки. В понятия частнооценочных предикатов входят дополнительные компоненты, которые относятся к структуре оценки и образуют следующие группы:

Сенсорные оценки - связаны с ощущениями, чувственным опытом; характеризуют, прежде всего, вкусы субъекта оценки: 1) сенсорно-вкусовые или гедонистические (вкусный – невкусный), 2) психологические, среди которых: интеллектуальные (умный – глупый) и эмоциональные (радостный - печальный).

Сублимированные или абсолютные оценки – возвышаются над сенсорными, связаны с духовным началом человека: 1) эстетические (прекрасный – безобразный), 2) этические (моральный – аморальный).

Рационалистические оценки – связаны с практической деятельностью и опытом человека: 1) утилитарные (полезный – вредный), 2) нормативные (правильный – неправильный), 3) телеологические (удачный – неудачный, целесообразный - нецелесообразный, результативный - нерезультативный).

Современная лингвистика изучает оценку как обязательную составляющую познавательной деятельности. Чувственное и когнитивное восприятие окружающего мира, оценка и ее речевое выражение являются моделью «непрекращающегося процесса моделирования индивидуальной картины мира, которая становится фрагментом культурной картины социума» (Хомякова, 2006: 47). Таким образом, анализ языковой оценки способствует исследованию речемыслительной деятельности человека, как представителя определенной нации и культуры.

1.5.3 Экспрессивность высказывания как аспект индивидуальной оценки

Формируя оценочное высказывание, говорящий ставит целью воздействие на эмоциональную и/или интеллектуальную сферу реципиента, используя лексико-стилистические изобразительные и выразительные средства.

Оценочная лексика реализуется через коннотативное значение слова (лексико-семантического варианта – ЛСВ), включающее эмоциональную, оценочную, экспрессивную, стилистическую составляющую. И.В. Арнольд определяла эмоциональный компонент значения слова, как выражающий эмоцию или чувство; оценочный компонент, как выражающий положительное или отрицательное суждение; экспрессивный компонент, если слово «подчеркивает, усиливает то, что называется в этом же слове или в других, синтаксически связанных с ним словах»; и, характерный для разных функциональных стилей, стилистический компонент (Арнольд, 2010: 158). Эмоциональная коннотация часто влечет за собой экспрессивность. Эмоционально-экспрессивным значением обладают все междометия: *Alas! Oh!* Увеличительная экспрессивность в английском языке представлена интенсификаторами в частности, усилительными наречиями: *all, quite, ever, really, even, absolutely, awfully, terribly*. Образную экспрессивность высказыванию придают изобразительные языковые средства (тропы) и выразительные – фигуры речи. Вопросы стилистической дифференциации лексики хорошо изучены; история исследований начинается с древнегреческой риторики; широко известны работы ученых 20 века: И.В. Арнольд, И.Р. Гальперина, Д.Э. Розенталя. В настоящем исследовании, приведем общепринятые дефиниции основных изобразительных и выразительных средств, опираясь на определения И.В. Арнольд и Стилистического энциклопедического словаря русского языка.

К изобразительным средствам языка (тропы) относятся метафора – скрытое, образное сравнение, основанное на схожести понятий: *coral lips, ivory skin*; метонимия – троп, основанный на принципах смежности понятий, на пространственной, временной, причинно-следственной и других видах

связи: *the class went to the museum*; гипербола – преувеличение: *it will give you the whitest teeth ever*; ирония – выражение насмешки через употребление слова противоположное основному значению *sweet smile of alligator*; олицетворение – перенос свойств человека на другие объекты: *the crocodile smiled*; перифраз – замена названия объекта описанием существенных признаков: *the beast that bears me – a horse*; эвфемизм – употребление нейтральной лексики, чтобы смягчить, облагородить ситуацию: *people with special needs*; эпитет – экспрессивная и оценочная характеристика объекта: *a soft pillow, an angry sky*, в т.ч. голофразис – характерное для современного английского языка явление – словосочетание, обозначенное как слово: *her-good-for-nothing-husband*; оксюморон – соединение лексически не сочетаемых слов: *terribly smart, awfully beautiful*. Фигуры речи: избыток элементов в синтаксической структуре: лексический, синонимический, синтаксический повтор звуков на ограниченном участке текста для реализации эмоциональной, экспрессивной, оценочной функции; отсутствие необходимых элементов: односоставные предложения, эллипсис – неполные предложения, умолчание – смысловое эмоциональное недоговаривание (в тексте: - или ...), зевгма – нарушение связи подчиненными элементами и объединяющим словом: *he lost his hat and his temper*; к фигурам речи также относятся: инверсия – нарушение порядка слов: *off they went*, отрицание и литота – преуменьшение: *it is not unlikely = it is likely, it is not difficult = it is easy*. Выразительные средства в речи могут передавать психологическое состояние человека: волнение, радость, нерешительность.

Как было сказано выше, русской ментальности свойственно более свободное проявление эмоций, чем англосаксонской. Данная особенность находит отражение в языковой репрезентации. Поскольку объектом данного исследования является англоязычный текст и его перевод на русский язык, одной из задач данного исследования является сравнение эмотивности оценочных высказываний в английском и русском языке.

1.6 Выводы к 1 главе

В центре данного исследования триада: человек, культура, язык. Речемыслительная и когнитивная деятельность человека, ее отражение в сознании и высказывании, происходит в процессе изучения и осмысления окружающей действительности и является отражением индивидуальных особенностей личности, эмоционального и психического состояния, значимых ценностных категорий, сформированных под воздействием исторического, этнического, культурного пространства. Созданные в результате тексты являются основой изучения языковой личности.

Формирование единого языкового пространства, обеспечивающего создание новых текстов, происходит, на базе корпуса художественных текстов; их осмысление и оценка через призму собственной личности и систему ценностей, являются способом репрезентации внутреннего мира индивидуума, его отношения к окружающему миру и, одновременно, процессом познания. Ситуация восприятия произведения, описанная в художественной литературе, дает ценный материал для анализа данных процессов.

В интертекстуальном пространстве художественного текста, как результате взаимодействия предшествующих и актуального текста, находят отражение и национальные социокультурные особенности и личностные – в процессе диалога автора и читателя, как средство выражения мысли, саморефлексии и творческого познания. Интертекстуальность, как средство адекватной интерпретации текста, является актуальным направлением исследований; в процессе перевода, переводчик зачастую становится интерпретатором для принимающей культуры.

В ситуации восприятия литературного произведения человек порождает оценочное высказывание, в основе которого лежит понятие ценности – персональной и отражающей ценностную парадигму социума. Элементами оценки являются: субъект оценки, объект, характер, основание, оценочная шкала, стереотипы. Есть различные классификации оценок; для данного исследования особый интерес представляют классификации Е.М.

Вольф и Н.Д. Арутюновой. Степень эмотивности оценочного суждения также обусловлена личными особенностями индивидуума и этническими, культурологическими особенностями общества.

Глава 2. Анализ взаимодействия текстов и оценка литературного произведения

Материалом для практической части исследования послужили 377 фрагментов из 10 произведений современной англоязычной художественной литературы. Форма и масштаб включений различны: от нескольких слов до целых микротекстов. Авторы – представители Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, ЮАР – обращаются к читателям посредством дневников, писем, явных и скрытых цитат, включением реально существующих и вымышленных текстов; восприятие их творчества, понимание контекста зависят от личности читателя, его культурного, социального, ассоциативного тезауруса.

2.1 Способы создания интертекстуальности

Поскольку корпусом данного исследования служат интертекстовые включения, начнем с рассмотрения видов и способов создания интертекстуальности в литературном произведении.

2.1.1 Метатекстовые включения

Метатекстовые включения (заглавие, эпиграф, названия глав, ссылки, комментарии) не являются частью текста, но играют существенную роль в ситуации перцепции литературного произведения. Следует отметить, что, заимствуя цитату, автор имплицитно дает положительную характеристику книге-источнику, своего рода «оценку через использование». За счет сильной позиции метатекстовых включений в тексте, эта авторская оценка вольно или невольно воспринимается читателем.

Начнем с рассмотрения заглавий. Используя цитатные заглавия, автор опирается на общенациональное культурное пространство, поэтому дает отсылку к источникам, хорошо известным определенному социуму - Библии, мифам, классической литературе.

Так, в заглавии романа L. Jones *Mister Pip* (Л. Джонса «Мистер Пип») в заголовке вынесено имя главного персонажа романа Ч. Диккенса «Большие надежды». Таким образом, автор задает тему всего романа, в котором судьбы

героев, их мировоззрение и самоощущение переплетены с диккенсовским героем. Облик Пипа в романе многогранный, у него разные лица, возраст, пол. Подобно ему, персонажи романа Л. Джонса существуют в двух измерениях: один мир – понятный, знакомый, жестокий, принадлежит героям по праву рождения, его предстоит оставить и попытаться забыть; второй мир – далекий, таинственный, не всегда понятный, но манящий. В этом чужом мире герои попытаются найти новый дом.

В заголовке романа К. Atkinson *Life after Life* (К. Аткинсон «Жизнь после жизни») с одной стороны, указание на знаменитую книгу Р. Моуди «Жизнь после смерти», с другой – аллюзия на тысячелетия философско-религиозных размышлений о загробной жизни. Данный роман – попытка найти ответ на вечный вопрос: что нас ожидает после жизни/смерти и ответ на человеческую мечту изменить события своего прошлого. У главной героини романа Урсулы Тодд такой шанс есть. Переживая целую череду жизней/смертей, она ищет возможности внести коррективы и спасти жизнь самых близких людей.

За заголовком романа D. Setterfield *The Thirteenth Tale* (Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка») – очевидная для представителя западной культуры ссылка на мистическое, несчастливое число, «чертову дюжину» (*baker's dozen*). Ряд исследователей относят суеверие о смертельной опасности данного числа к Тайной вечере: скорая гибель ожидает одного из гостей, если за одним столом соберется тринадцать человек. Таким образом, заголовок задает стиль и атмосферу готического романа.

В отличие от цитатного заглавия, где голос другого автора не очевиден, эпиграф является цитатой по определению и выполняет конкретные функции. В романе Ch. Strayed *Wild: From Lost to Found on the Pacific Crest Trail* (Ш. Стрэйд «Дикая. Опасное путешествие как способ обрести себя») общего эпиграфа нет. Данное произведение о пути героини, потерявшей себя в омуте отчаяния, наркотиков, депрессии. Ее одиночный переход по туристическому маршруту Тихоокеанского хребта протяженностью свыше 1500 км - это

примирение с собой, жизнью и возрождение через физическую боль, страх и усталость. Роман состоит из пяти частей. Начало романа – жизненные руины и начало пути героини, эпиграфов нет. Каждая из следующих четырех частей содержит по два эпиграфа. Первый - о внешних обстоятельствах: переход через горы, опасности, книги, которые были с героиней на протяжении всего путешествия. Второй эпиграф – обращение героини к себе.

В эпиграфах 2 части мы видим: поиск путеводной нити географической и жизненной: 1) *“The words are purposes. The words are maps.” Adrienne Rich* «Слова – это цели. Слова – это карты» (Адриенна Рич); внутренний конфликт, вызов: 2) *“Will you take me as I am? Will you?” Joni Mitchell* «Примешь меня такой, какая есть? Примешь?» (Джони Митчелл).

Эпиграфы 3 части: погружение в жизнь: 1) *“We are now in the mountains and they are in us...” John Muir* «Теперь мы в горах, А они – в нас...» (Джон Мюир); зарождение внутренней силы героини: 2) *“If your Nerve, deny you – Go above your Nerve” Emily Dickinson* «Коль твой Дух тебя подвел – Прыгни выше Духа» (Эмили Дикинсон).

Эпиграфы 4 части: гармонизация внешнего и внутреннего миров: 1) *“When I had no roof I made Audacity my roof.” Robert Pinsky* «Когда не имел я крова, Сделал я кровом своим Отвагу» (Роберт Пински); не просто сила, манифест – 2) *“Never never never give up.” Winston Churchill* «Никогда, никогда, никогда не сдавайтесь» (Уинстон Черчилль).

Эпиграфы 5 части: осознание своей силы, спокойная уверенность в себе: 1) *“I’m a slow walker, but I never walk back.” Abraham Lincoln* «Я хожу медленно, зато никогда не пчусь назад» (Авраам Линкольн); и, наконец, смысл жизни, ее уникальность, ценность: 2) *“Tell me, what is it you plan to do With your one wild and precious life?” Mary Oliver* «Скажи мне, что ты собираешься делать со своей единственной дикой и драгоценной жизнью?» (Мэри Оливер). Таким образом, на примере эпиграфов мы можем проследить физический и духовный путь главной героини романа и автора – Шерил Стрэйд.

Эпиграф романа Л. Джонса «Мистер Пип» взят из Умберто Эко: “*Characters migrate*” «Персонажи мигрируют» и точно отражает суть трансформаций главных героев произведения через призму диккенсовского Пипа.

К. Аткинсон в эпиграфах раскрывает сюжетный план своего романа:

1) “*What if some day or night a demon were to steal after you into your loneliest loneliness and say to you: ‘This life as you now live it and have lived it, you will have to live once more and innumerable times more’ ... Would you not throw yourself down and gnash your teeth and curse the demon who spoke thus? Or have you once experienced a tremendous moment when you would have answered him: ‘You are a god and never have I heard anything more divine.’*” Nietzsche «Что, если бы днем или ночью подкрался к тебе в твое уединеннейшее одиночество некий демон и сказал бы тебе: «Эту жизнь, как ты ее теперь живешь и жил, должен будешь ты прожить еще раз и еще бесчисленное количество раз ...». Разве ты не бросился бы навзничь, скрежеща зубами и проклиная говорящего так демона? Или тебе довелось однажды пережить чудовищное мгновение, когда ты ответил бы ему: «Ты — бог, и никогда не слышал я ничего более божественного!» (Ницше).

2) “*Everything changes and nothing remains still.*” Plato, *Cratylus* «Все вещи меняются, и ничто не остается на месте». (Платон. Кратил).

3) Третий эпиграф Аткинсон вложила в уста одному из персонажей, спасенному в череде жизненных воплощений главной героини: “*What if we had a chance to do it again and again, until we finally did get it right? Wouldn’t that be wonderful?*” Edward Beresford Todd «Что, если у нас была бы возможность проживать эту жизнь снова и снова, пока не получится правильно? Вот было б здорово, да?» (Эдвард Бересфорд Тодд).

Тема нравственности: жизненной, нерелигиозной, некнижной – одна из ключевых тем, идейно-философская суть романа J. Irving *The Cider House Rules* (Дж. Ирвинг «Правила виноделов»). Жизнь детей в сиротском приюте,

нелегальные аборты, безжалостная любовь, надежда, книги Ш. Бронте и Ч. Диккенса – от первого эпиграфа и до финальных строчек романа:

1) *“Conventionality is not morality. Self-righteousness is not religion. To attack the first is not to assail the last.” Charlotte Bronte* «Традиционные устои – не то, что моральные принципы, уверенность в своей непогрешимости, не религиозность. Критиковать одно вовсе не значит нападать на другое». (Шарлотта Бронте).

2) *“For practical purposes abortion may be defined as the interruption of gestation before viability of the child.” H.J. Boldt, M.D.* «В рабочем порядке аборт можно определить как прерывание беременности на стадии нежизнеспособности плода. (Доктор медицинских наук Г. Дж. Болдт).

В корпусе исследования представлены и другие метатекстовые включения. Наименования глав в романе Дж. Ирвинга «Правила виноделов» функционально используются для членения текста и имплицитно вводят позицию автора, с иронией определившего приютских сирот, как *“Princes of Maine, Kings of New England”* «Принцы Мэна, Короли Новой Англии», а деятельность докторов, делающих аборты, как *“The Lord's Work”* «Работа Господня». Тексты материала исследования содержат также переводческие комментарии, поясняя лингвокультурологическое пространство англоязычного художественного текста русскоязычному читателю. Следует отметить, что при переводе цитат, переводчик, как правило, не создает нового текста, а опирается на уже существующие тексты – прецедентные переводы.

Таким образом, метатекстовые включения в литературное произведение несут оценочную информацию, поясняют заглавие, имплицитно вводят авторскую позицию, главные темы романа, культурно-исторический фон произведения, причем сама оценочность может носить имплицитный характер.

2.1.2 Виды текстовых номинаций художественных произведений

Как было сказано выше, современная наука рассматривает любой текст как производное предшествующих текстов, присутствующих в нем в разных

формах и масштабах: от одного слова, аллюзии, явной или скрытой цитаты до включения целого текста. Основной способ включения интертекстов – эксплицитный. Писатели выбирают различные способы номинации текстов.

Так в романе С. Чбоски «Хорошо быть тихоней» в течение учебного года учитель дает главному герою книги для чтения. Автор достаточно четко выдерживает структуру: заголовок книги, часто без автора, и читательская оценка персонажа: 1) “*I have finished To Kill a Mockingbird. It is now my favorite book of all time.*” (S.Ch.:11) «Дочитал «Убить пересмешника», теперь это моя самая любимая книга» (Ч.С.: 21) 2) “*In the last month or so, I have read The Great Gatsby and A Separate Peace... They are all my favorites. All of them.*” (S.Ch.: 67) «За последний месяц с небольшим прочел «Великого Гэтсби» и «Сепаратный мир»... Все они теперь – мои любимые. Все до единой». (Ч.С.: 87) 3) “*It’s The Catcher in the Rye... it was the kind of book you made your own.*” (S.Ch.: 79) «называется «Над пропастью во ржи»... такие книги западают в душу». (Ч.С.: 101) Интересно, как на протяжении романа, по мере взросления персонажа и развития его читательского вкуса и опыта, книги становятся все сложнее, а их восприятие все глубже и чувственнее; и сам герой из тихони превращается в сильного, независимого молодого человека.

О взрослении человека и читателя пишет также Дж. ван де Рюит. Структура интертекстового включения похожа: заголовок, оценка: 1) “*Spent the afternoon reading Waiting for Godot... The play is wickedly odd*” (J.R.: 26) «После обеда читал «В ожидании Годо»... пьеса странная до чертиков». (Р.Дж.)¹ 2) “*Read Waiting for Godot again and it made more sense.*” (J.R.: 28) «Перечитал «В ожидании Годо», и на этот раз пьеса уже не показалась мне такой бессмысленной». (Р.Дж.1) 3) “*Just finished Waiting for Godot again. I think it’s brilliant*”. (J.R.: 36) «Дочитал «В ожидании Годо». Теперь мне уже кажется, что эта пьеса – высший класс». (Р.Дж.1)

¹ Текст книги на русском языке: <http://www.libros.am/book/read/id/182141/slug/maljok>
Дата последнего посещения: 17.05.2017

Рассуждая о книгах, персонажи произведений создают собственные тексты. Роман С. Чбоски написан в эпистолярном жанре, герой Дж. ван де Рюита ведет дневник, переписываются герои романа Дж. Харвуда. Это дает возможность авторам репрезентовать мнение от первого лица, используя центральные местоимения: I, my, we.

Герои произведения М. Ондатже «Английский пациент» в качестве личных дневников используют книги: “*She opens The Last of the Mohicans to the blank page at the back and begins to write in it.*” (М.О.: 59) «Она открывает книгу «Последний из могикан» на последней, чистой странице и начинает писать». (О.М.: 85) “*A copy of The Histories by Herodotus that he has added to, cutting and gluing in pages from other books or writing in his own observations—so they all are cradled within the text of Herodotus.*” (М.О.: 13) «Это экземпляр «Историй» Геродота. Страницы его прекрасно уживаются с наблюдениями и заметками, которые английский пациент записывал между строчками, а также с рисунками и листами из других книг, вырезанными и вклеенными сюда». (О.М.: 29) Таким образом, интертекстуальность обретает физическую форму, выходит за пределы литературных строк. Автору удается образно показать, как художественный текст (Геродота, Купера, Киплинга) становится фоном, декорациями для реальных событий и переживаний героев.

Писатели активно используют аллюзии на известные книги, персонажей произведений: Ш. Стрэйд: “*Are you like Jane? Like the kind of woman Tarzan would like?*” (Ch.S.: 73) «Ты такая как Джейн? Того типа женщина, что понравилась бы Тарзану?» (С.Ш.: 115) М. Одатже: “*In recent days, Hana had watched him sitting beside the English patient, and it seemed to her a reversal of Kim. The young student was now Indian, the wise old teacher was English.*” (М.О.: 109) «Как-то Хана видела его сидящим возле английского пациента, и ей показалось, что это ожил Ким Киплинга. Только молодой ученик был теперь индийцем, а мудрый старый учитель – англичанином». (О.М.: 150) “*He wrote calmly and joyfully about our journeys when there was joy to describe, as if we were Anna and Vronsky at a dance.*” (М.О.: 240) «Он писал

о наших путешествиях спокойно и радостно, если было чему радоваться, как будто мы были Анна и Вронский на балу». (О.М.: 313) К. Аткинсон: “*The building had been Dickensian in its dinginess to begin with and was now even more neglected and unloved.*” (К.А.: place 129) «Этот закопченный дом и прежде наводил на мысли о романах Диккенса, а теперь и вовсе пришел в упадок от недостатка заботы и любви». (А.К.: 107) “*The women at the well. Ursula seemed to remember that Jesus had a particularly confrontational conversation with the woman at the well. A woman of Samaria – no name, of course.*” (К.А.: 133) «Женщины у колодца. Урсула смутно помнила, что Иисус вступил в нелюбезный разговор с женщиной у колодца. С самаритянкой — естественно, безымянной.» (А.К.: 111) В имени главного героя Дж. ван де Рюита – аллюзия на Джона Мильтона. Этим именем роман начинается: “*So, Milton, ...welcome to paradise lost.*” (J.R.: 8) «Итак, Милтон, ... добро пожаловать в потерянный рай» (Р.Дж.1) и его цитатой заканчивается.

Широко представлены в художественных текстах цитаты из классических литературных произведений и Библии. Они имплицитно вводят темы любви, измены, описывают места действия, персонажей. Героиня Дж. Ирвинга читает: “*I care for myself, Melony read. The more solitary, the more friendless, the more unsustained I am, the more I will respect myself.*” (J.I.: 217-218) «Я сама о себе позабочусь, ... Да, я одинока, у меня нет друзей, нет никакой опоры, но я с тем бóльшим уважением отношусь к самой себе» (И.Дж.: 246) и в ее голосе присутствие “*Jane Eyre's 'indomitable' spirit*” (J.I.: 218) «несокрушимого духа Джейн Эйр». (И.Дж.: 246) Картину пустыни в 30 годы XX века Ондатже описывает словами исследователей того периода: “*The grooves and the corrugated sand resemble the hollow of the roof of a dogs mouth.*” (M.O.: 134) «Складки гофрированного песка напоминают волнистую поверхность верхнего неба у собаки». (О.М.: 178) “*It is as though the surface were underlaid with steam-pipes, with thousands of orifices through which tiny jets of steam are puffing out.*” (M.O.: 135) «Кажется, что под землей

проложены паровые трубы с тысячами отверстий, сквозь которые вырываются тоненькие струйки дыма». (О.М.: 179)

Роман Дж. Харвуда «Тень автора» написан в стиле готического романа. Драматические события происходят только в финале романа, но атмосфера мистики, ужаса, тайны присутствует на протяжении всего романа и достигается она, прежде всего, игрой текстов, многообразием форм текстовых номинаций: элементы библиографического описания, цитаты, пересказы сюжетов, целые тексты. Реальная жизнь героя спокойна и ничем не примечательна, она практически лишена ярких событий, и даже простого общения с реальными людьми. Самый близкий друг и возлюбленная – знакомая по переписке. С детства его окружают книги; повзрослев, он устроился работать в библиотеку. Автор подчеркивает профессию героя и приводит в тексте не только информацию об авторах и заглавиях книг, но и другие библиографические данные: информацию о месте и времени издания, расположении книги на полке, библиотечном шифре: “*a book without a press mark would be like a soul without a name upon the Day of Judgment.*” (J.H.: 96) «книга без шифра – все равно, что душа без имени в день Страшного суда». (Х.Дж.: 95)

С помощью текстовых номинаций автор описывает обстановку библиотеки, книги и через них дает описание персонажей произведения: “*a nineteenth-century gentlemen's library*” (J.H.: 242) «типичная библиотека джентльмена девятнадцатого века» (Х.Дж.: 224); изучение чьей-то домашней библиотеки и заключение: “*she often marked passages in her books*” (J.H.: 242) «она имела привычку подчеркивать в своих книгах любимые места», (Х.Дж.: 225) один из постоянных читателей “*had been a heavy smoker*” (J.H.: 242) «был заядлым курильщиком», (Х.Дж.: 225) так как на страницах - следы пепла и табака; эклектичный подбор литературы в комнате одной из таинственных сестер, и всего четыре детектива в комнате другой сестры.

Герой находит рукописи или неизвестные издания, опубликованные малым тиражом, герои которых, в свою очередь тоже находят рукописи и

загадочные книги. По мере развития сюжета, возникает настоящий водоворот текстов. Причем в этой полифонии голоса не только существующих авторов и книг, но и вымышленных, переданных с той же скрупулезной точностью: и выходные данные, и описание оформления книги, и включение целых вымышленных текстов, образующих полотно романа, которые герой читал “*thinking as I did so how horribly prophetic*” (J.H.: 78) «с ужасом думая о том, насколько пророческой...» (X.Дж.: 81) оказалась очередная история. И так, в качестве прецедентных текстов автор использует реальные и вымышленные тексты. Данный прием также активно использует автор другого современного готического романа «Тринадцатая сказка» Д. Сеттерфилд.

Таким образом, в материалах исследования выявлены разнообразные формы текстовых номинаций: представлены заглавия, имена авторов, описания книг, как физических объектов, аллюзии, цитаты, пересказы прецедентных текстов. Помимо фактографической информации имплицитно вводятся главные темы произведения, создается атмосфера текущего повествования.

Следует отметить, что прецедентные тексты, используемые авторами довольно типичны для англоязычной художественной прозы - фрагменты текстов из Библии, «Божественной комедии» Данте, «Потерянного рая» Джона Мильтона, романов Шарлотты Бронте, Джейн Остин, Р. Киплинга и Ч. Диккенса.

2.2 Актуализация в тексте элементов структуры оценки

Далее рассмотрим элементы оценки художественного текста: субъект, объект, характер и основания оценки литературного произведения; экспрессивные лексико-стилистические средства оценочного высказывания в англоязычном тексте и его переводе на русский язык.

2.2. 1 Субъект оценки

Субъект является одним из обязательных компонентов оценки. Восприятие художественного текста сопровождается речемыслительной

деятельностью персонажа, содержащей рациональную и эмоциональную оценку.

В тексте С. Чбоски «Хорошо быть тихоней» субъект оценки – подросток. Оценивая книги, которые ему дает прочитать преподаватель, он эмоционален, пристрастен, правдив, не склонен доверять авторитетам. По мере развертывания сюжета, взросления героя, развития его читательского вкуса и опыта, его комментарии становятся глубже, лексически и логически сложнее, эмоциональнее. От: “*it is very interesting*” (S.Ch.: 10) «книга интересная», (Ч.С.: 20) “*my favorite book*” (S.Ch.: 11) «моя самая любимая книга» (Ч.С.: 21) до: “*It was a really great experience. It’s strange to describe reading a book as a really great experience, but that’s kind of how it felt... But it wasn’t like you had to really search for the philosophy... I took what the author wrote about and put it in terms of my own life.*” (S.Ch.: 181) «Потрясающий роман. Как-то странно говорить, что книга тебя потрясла, но я действительно испытал нечто близкое к потрясению... это не тот случай, когда приходится специально выискивать философскую подоплеку... я взял то, о чем пишет автор, и примерил к своей собственной жизни». (Ч.С.: 224) Оценки Чарли очень личные, результат отождествления себя с героями произведений, длительных, иногда мучительных размышлений о себе и о мире вокруг.

Влияние внешних факторов на литературный выбор и оценки другого подростка прослеживается в романе «Малек» Дж. ван де Рюита. Рекомендация любимого учителя: “*this book is the ultimate proof that God exists*” (J.R.: 82) «это не просто книга, а неоспоримое доказательство существования Бога на Земле» (Р.Дж.1) и реакция главного героя (Мильтона): “*Worried that this book may mean the end of my scholarship*” (J.R.: 90) «Боюсь, как бы эта книга не положила конец моим академическим представлениям». (Р.Дж.1) В отличие от персонажа С. Чбоски, Малек представляет героя на своем месте: “*a raving nerd who wouldn’t last one day in our dormitory*” (J.R.: 128) «голимый ботан, который не продержался бы и дня в нашей спальне»,

(Р.Дж.1) стремление понравиться девушке и разделить с ней увлечение – берет читать книгу, с которой ее увидел, позже соглашается с ее оценкой: “*She called JM Coetzee a morbid cynic without the faintest shred of subtlety in his writing. I agreed... and assured her that he was one of the worst novelists alive*” (J.R.: 201) «Она назвала Кутзее омерзительным циником, в чьей прозе нет ни капли изящества. Я согласился... и заверил ее, что это один из худших писателей, с которыми мне приходилось сталкиваться». (Р.Дж.1)

Оценка реципиентом литературного произведения также является результатом воспитания, уровня образования, культуры. Так служанка Бриджет из романа К. Аткинсон, любительница готических романов: “*frequently gasping in horror or stirred to disgust and, at the end, delight*” (К.А.: 26) «то и дело ахала от страха, содрогалась от негодования и расплывалась от восторга». (А.К.: 26) Напротив, герой М. Онтадже – блестящий ученый, его оценки точны, основаны на обширных познаниях и недюжинном интеллекте. Он поясняет: “*I had always had information like a sea in me. I am a person who if left alone in someone’s home walks to the bookcase, pulls down a volume and inhales it*” (М.О.: 15) «моя голова всегда хранила море информации. Я из тех, кто, оказавшись один в чужом доме, направляется к книжному шкафу, достает книгу и читает ее, забыв обо всем». (О.М.: 32) Героиня К. Дж. Фаулер утверждает: “*Each of us has a private Austen*” (J.F.: 1) «У каждого из нас своя Остен» (Ф.К.Дж.)² и развивает мысль, используя параллельные структуры, одновременно давая характеристику персонажей: “*Bernadette’s Austen was a comic genius*” (J.F.: 1) «Остен Бернадетты была гением комедии»; (Ф.К.Дж.2) “*Sylvia’s Austen was a daughter, a sister, an aunt*” (J.F.: 2) «У Сильвии Остен была дочерью, сестрой, тетей»; (Ф.К.Дж.2) “*Allegra’s Austen wrote about the impact of financial need on the intimate lives of women*” (J.F.: 4) «Остен Аллегры писала о влиянии финансовых трудностей на личную жизнь женщин». (Ф.К.Дж.2)

² Текст русского перевода: <http://fanread.ru/book/4615921/?page=1>
Дата последнего посещения: 17.05.2017

Субъектом оценки может быть и группа людей, сообщество: Дж. Ирвинг: “*every orphan’s mind was either sleeping, dreaming, or lingering with David Copperfield’s adventures*” (J.I.: 71) «одни мальчишки уже спали и видели сны, другие переживали приключения Давида Копперфильда» (И.Дж.: 86); “*The sweeter passages of Jane Eyre... brought tears to the eyes of the girls in the girl’s division*” (J.I.: 76) «Чувствительные сцены из «Джейн Эйр»... исторгали слезы из глаз девочек». (И.Дж.: 91) В данных примерах реципиенты принадлежат к одинаковым социальным группам, объединены в единую общность по возрастным, гендерным, образовательным признакам, и в романе репрезентована их общая оценка.

На основании анализа примеров из художественной литературы, можно сделать вывод, что оценка литературного произведения реципиентом субъективна, так как формируется через призму личного опыта, системы ценностей индивидуума, которые являются частью культурных, ценностных ориентиров социума, социально-исторического фона событий романа. Субъектом оценки литературных произведений могут выступать лицо или группа лиц; и меняться она может не только при их смене, но и под влиянием внутренних и внешних факторов.

2.2.2 Определение объекта оценки

Чтобы определить критерии оценки художественного текста, необходимо выявить объекты оценки. На основе материала исследования, можно выделить несколько объектов оценки в ситуации восприятия литературного произведения.

Руководствуясь логикой коммуникативной системы: автор – книга – читатель, начнем анализ с писателей. Здесь можно выделить два основных подхода: отношение к писателю, как к реальному человеку, интерес к его личности, жизни; второй подход – метонимический перенос отношения к произведению на его автора.

Для героини «Тринадцатой сказки» Д. Сеттерфилд, писатели – живые люди, друзья, учителя: “*Yet for some there is an exception to this annihilation.*

For in the books they write they continue to exist. We can rediscover them. Their humor, their tone of voice, their mood... They can comfort you. They can perplex you. They can alter you.” (D.S.: 17) «Некоторым людям удается избежать бесследного исчезновения, так как они продолжают существовать в созданных ими книгах. Мы можем заново открыть этих людей – их юмор, их манеру речи, их причуды... Они могут нас успокоить. Они могут нас озадачить. Они могут нас изменить». (С.Д.: 26) Английский пациент говорит, что всегда представлял Геродота “*as one of those spare men*” (M.O.: 116) «в виде одного из свободных людей пустыни», (О.М.: 159) путешествующих и торгующих легендами. Героини К.Дж. Фаулер “*led Austen into our life*” (J.F.: 249) «впустили Остен в свою жизнь». (Ф.К.Дж.2) Для них она больше, чем писатель, так как именно ее влиянию они приписывают изменения к лучшему своих жизненных обстоятельств. На основании примеров из материалов исследования, можно сделать вывод, что, в оценке авторов, как реальных людей, преобладают положительные оценки. Читатели выражают свое мнение с уважением, благодарностью, пиететом.

Метонимический перенос с произведения на автора мы видим в следующих примерах. Дж. Ирвинг: “*He would smile to remember how he had once thought Dickens was ‘better than’ Bronte.*” (J.I.: 585) «С улыбкой вспоминал он, что считал когда-то Диккенса лучше Бронте». (Дж.И: 652) К. Аткинсон: “*Have you read Dante? You should. He's very good*” (K.A.: 157) «Читала Данте? Непременно почитай. Это просто блеск». (А.К.: 132) И отрицательная оценка – Дж. ван де Рюит о романе «Оливер Твист» рукой своего героя пишет: “*Charles Dickens is a boring old fart*” (J.R.: 289) «Чарльз Диккенс – занудный старый пердун» и переносит свое отношение к роману на характеристику писателя. Ш. Стрэйд: “*I'd loved Michener too*” (Ch.S.: 151) «я тоже любила Миченера». (С.Ш.: 229)

В качестве объекта оценки, книга может рассматриваться и как физический предмет, и с точки зрения содержания. С этих же позиций может рассматриваться и ценность книги как материального объекта,

интеллектуального и духовного наследия. Читатели оценивают размер, вес, обложку книги, ее возраст. В данных оценках преобладают тактильные (сенсорные) ощущения: обоняние: *“the smell of leather and old paper”* (D.S.: 12) «запах переплетной кожи и старой бумаги; (С.Д.: 19) осязание: *“I could tell you from the books under my fingertips where I was”* (D.S.: 12) «я смогу на ощупь, по книгам на полках, точно определить свое местоположение»; (С.Д.: 19) *“the grainy, linen-covered spine”* (D.S.: 12) «шершавый, обтянутый холстом корешок»; (С.Д.: 19) вкус: *“it’s rather lush”* (K.A.: 499) «довольно сочно»; (А.К.: 493) зрение: подробные описания цвета, шрифта: *“a small volume, bound in brown and gold”* (H.J.: 268) «маленький томик в коричневой обложке, тисненной золотом»; (Х.Дж.: 248) слух: *“ran my fingertips along the spines, like a pianist along his keyboard”* (D.S.: 12) «пробежала пальцами по корешкам книг, как пианист по клавишам», (С.Д.: 19) *“each book has its own individual note”* (D.S.: 12) «у каждой книги... своя нота». (С.Д.: 19)

Описание коллекции книг, условия их хранения, обмен книгами между персонажами помогает автору имплицитно передать дополнительную информацию о месте и времени действия, характере, культурном и образовательном уровне героев, их отношениях и дать представление о дальнейшем развитии сюжета. Библиотеки детективов, книг по оккультизму и мистическим духовным практикам служат фоном событиям готического романа. Путеводитель необходим, чтобы найти путь в горах и собственной жизни. Анатомический справочник вводит тему медицины. Влюбленные в книгах *“were divided by Julia’s preference for Keats against his for Shelley”* (J.H.: 83) «их разделяли пристрастие Джулии к Китсу, а его – к Шелли». (Х.Дж.: 84) Герой высказывает неодобрение: *“You sound like someone in one of Bridget’s novels.”* (K.A.: 199) «Твои рассуждения словно позаимствованы из романов Бриджет». (А.К.: 181) Используя в тексте образ книги как подарка, автор одновременно передает информацию и о персонажах, и об отношениях, и о ценности книги: книга в подарок может быть модной, интересной, особенной, отражать вкус и интересы людей,

“favorite books” (S.Ch.:208) «любимые книги» (Ч.С.: 255) для *“favorite peoples”* (S.Ch.: 208) «любимых людей». (Ч.С.: 255)

Но главным объектом оценки художественного произведения является его содержание. Большинство оценок имеют эмоциональную или логическую доминанту. Поскольку, как говорилось ранее, человеческой мысли свойственно единство мышления и эмоций, и литературное произведение является примером сочетания логики и чувств, подчас, доминанту определить невозможно. Тем не менее, мы можем выделить эмоциональную оценку по употреблению стилистически окрашенных слов, междометий: *“it's brilliant”* (J.R.: 36) «высший класс» (Р.Дж.1), *“an amazing book”* (J.R.: 129) «потрясающая книга», (Р.Дж.1) *“great”* (S.Ch.: 112) «классно», (Ч.С.: 141) *“he's very good”* (К.А.: 157) «это просто блеск», (А.К.: 132) *“Man, what a book!”* (J.R.: 234) «Что за книга!». И рациональную, содержащую выражение знания, размышления: *“from the very first page, I understood”* (Ch.S.: 303) «с самой первой страницы я все поняла, (С.Ш.: 447) *“we learned how a life could change without any warning”* «из книги мы узнали, как внезапно может перемениться жизнь», *“no end to the insights he perceived in his continuous reading”* (J.I. 585) «все три книги давали обильную пищу для размышлений». (И.Дж.: 652)

Таким образом, объектом оценки литературного произведения является сложное образование, которое может включать в себя оценку автора, персонажей, книги как физического объекта и носителя интеллектуального, духовного знания.

2.2.3 Характер и основания оценки

Сложная структура субъекта и объекта оценки вызывает многообразие оснований, то есть точек зрения, на основе которых производится оценка, и ее видов.

По характеру оценки делятся на абсолютные и сравнительные. В художественных текстах преобладают абсолютные оценки книги, выраженные прилагательными: *favorite* «любимая», *interesting* «интересная»,

good «хорошая». Сравнительная оценка определяет превосходство или равноценность объектов: “*the best book ever*” (J.R.: 128) «лучшая книга в мире», “*the greatest novel*” (L.J.: 18) «величайший роман», (Дж.Л.: 33) “*are similar*” (S.Ch.: 177) «произведения... очень похожи», (Ч.С.: 218) “*it was a different book from the others*” (S.Ch.: 181) «в отличие от большинства предыдущих» [книг]. (Ч.С.: 224)

Оценка является результатом взаимодействия субъективных признаков (отношение объекта) и объективных (свойства объекта) и опирается на стереотипное представление – основу абсолютных оценок – и оценочную шкалу, отражающую зоны положительного, нейтрального и отрицательного отношения субъекта к объекту.

Анализ корпуса исследования показал, что в ситуации оценки литературного произведения преобладает положительная оценка, выраженная словами, группами слов, высказываниями, например: прилагательными с положительной оценочной семантикой: *good, interesting, wonderful, favorite* с разной степенью интенсификации, выраженной прилагательными, наречиями или образованной аффиксальным способом: *great/greatest, best, brilliant, very*; другими частями речи: “*admired*” (J.H.: 260) «с восторгом прочитала»; (Х.Дж.: 241) “*enjoyment*” (J.L.: 27) «наслаждаться книгой»; (Л.Дж.: 45) выражениями: “*I read the story in an intense*” (J.H.: 53) «Я прочитал рассказ на одном дыхании», (Х.Дж.: 55) “*When I was a child, books were everything.*” (D.S.: 32) «в детстве книги были для меня всем». (С.Д.: 43)

Положительное отношение к книге репрезентуется эмоциональным высказыванием, книга, ее герои проникают в ум и сердце читателя. Рассмотрим пример: “*I am on page 891 and am desperately trying to eke out the story for as long as possible. Finished... I feel utterly depressed – the journey of Frodo has become a part of my life, but now it's all over and I have to return the book to The Guv and move on.*” (J.R.: 140) «я уже дочитал до 891-й страницы и отчаянно пытаюсь оттянуть время до конца как можно дольше. Дочитал... и теперь я в полной депрессии. Путешествие Фродо стало частью моей жизни,

но теперь все кончено, и мне придется вернуть книгу Папаше и жить дальше». (Р.Дж.1) В данном примере эксплицитно представлены слова и выражения с отрицательной коннотацией, тем экспрессивнее выглядит положительная оценка книги.

В следующих примерах ситуация восприятия сопровождается отрицательным отношением: книга казалась герою “*grown-up and boring*” (Н.Дж.: 4) «слишком взрослой и скучной», (Х.Дж.: 8) герой “*mortified at any mention of the book*” «содрогался при любом упоминании пресловутой книжки», “*a long and boring poem*” (J.R.: 17) «длинное и нудное стихотворение», (Р.Дж.1) “*It was wordy, much more wordy*” (J.L.: 193) «текст оказался более многословным. Гораздо более многословным». (Л.Дж.: 262) Анализ материала показывает, что наиболее негативную реакцию вызывает книга, которая представляется скучной, нудной, неинтересной. На другой стороне шкалы – яркая, эмоциональная оценка книги, с неоднозначной оценочной коннотацией определений: “*masterpiece, absurd, funny, shocking*” (J.R.: 51) «шедевр, абсурдный, смешной, шокирующий». (Р.Дж.)

Наименьшее количество оценок относятся к зоне нейтрального отношения. В контексте литературных произведений, мы скорее отнесем сюда то, что не вызвало особых эмоций читателя. Нейтрально, но со знаком «плюс» выглядит глагол *to like* и в противовес: *don't like*. Легкий отрицательный акцент есть и в оценке: “*I continued to remain unimpressed*” (J.R.: 298) «не произвел на меня впечатления». (Р.Дж.1) Что объясняется свойством и функцией литературы пробуждать эмоциональную и интеллектуальную реакцию читателя. Произведения, которые не произвели впечатления, очевидно, не стоят упоминания, и в текстах приводятся скорее для контраста с более экспрессивными оценочными высказываниями.

Представляется интересным, рассмотреть фрагменты, содержащие разные виды оценки художественных произведений с точки зрения классификации Н.Д. Арутюновой по частнооценочным предикатам. В соответствии с классификацией выделяем три основные группы оценки.

Первая – сенсорные оценки, т.е. оценочные высказывания, связанные с чувственным опытом, ощущениями субъекта.

1) сенсорно-вкусовые: *“it's very long”* (S.Ch.: 177) «толстенная» (Ч.С.: 218) – о книге; имплицитно представлена положительная оценка в примерах: *“I am halfway through the first time”* (S.Ch.: 11) «я сразу половину проглотил»; (Ч.С.: 20) *“swallowing her words like water”* (M.O.: 3) «впитывая каждое слово, как живительную влагу»; (О.М.: 14) строки *“had run through my nights and days”* (Ch.S.: 312) «звенели в моих мыслях дни и ночи. (С.Ш.: 458)

2) психологические. В данную категорию входят и интеллектуальные, и эмоциональные оценки. Прилагательным с положительной оценочной семантикой выражена положительная оценка с эмоциональной доминантой: *“favorite book”* (S.Ch.: 22) «любимая книга»; (Ч.С.: 35) *“an incredible book”* (Ch.S.: 150) «потрясающая книга»; (С.Ш.: 228) *“a very good book”* (Ch.S.: 114) «очень хорошая книжка» (Ч.С.: 144) или высказыванием: *“the kind of book you made your own”* (S.Ch.: 79) «такие книги западают в душу»; (Ч.С.: 101) с интеллектуальной доминантой: *“from the very first page, I understood”* (Ch.S.: 303) «с самой первой страницы я все поняла. (С.Ш.: 447) Отрицательной глагольной конструкцией выражена отрицательная интеллектуальная оценка: *“I don't know what the guy is talking about”* (Ch.S.: 115) «ничего не понимаю», (Ч.С.: 145) тем не менее, не имея ярко выраженной эмоциональной составляющей, репрезентация данной оценки выглядит почти нейтрально. Отдельно хочется выделить, широко представленную в материале исследования группу оценок, связанных с восприятием книги, как утешения, друга, психотерапевтического средства: *“I read the book again that night because I knew that if I didn't, I would probably start crying again. The panicky type, I mean”* (S.Ch.: 102) «На ночь опять почитал ту же книгу, а иначе, боюсь, я бы снова расплакался. От беспричинной тревоги»; (Ч.С.: 126) *“it has also helped me while I'm trying to figure out what's wrong with me”* (S.Ch.: 147) «пьеса мне помогает, когда я пытаюсь уяснить, что же со мной не так»; (Ч.С.: 184) *“when in doubt – keep*

reading. A book will never die on you” (J.R.: 327) «когда будет тяжело, бери книгу и читай. Книги – друзья, которые не умирают». (Р.Дж.1)

Вторая группа – сублимированные или абсолютные оценки – связаны с духовным началом человека. Основанием для них являются эмоциональные реакции, как результат эмоционального сопереживания:

1) эстетические оценки, категории: прекрасный – безобразный. Могут относиться и к содержанию, и к внешнему облику книги: “*wonderful stuff*” (K.A.: 168) «дивная проза»; (A.K.: 146) герой “*had inclination towards poetry*” (K.A.: 418) «питал слабость к поэзии»; (A.K.: 407) “*Dante tooled red leather*” (K.A.: 136) «Данте... в красном сафьяновом переплете»; (A.K.: 113) “*she was cheered by the aquamarine sky and lake on the cover illustration*” (M.O.: 9) «ее усилия были вознаграждены яркой обложкой с аквамариновым небом и озером». (O.M.: 23)

2) этические оценки, категории: моральный – аморальный. “*Those few callous words in the Bible. They will bury everything except the book*” (M.O.: 284) «эти несколько бессердечных слов из самой главной священной книги белых людей. Они похоронят все, кроме книги». (O.M.: 371) В данном примере, нравственному ориентиру, Священному тексту христианства противопоставлено лицемерное поклонение. Реакция на бескомпромиссную, безжалостную оценку чужой нравственности, аллюзия на любовные и готические романы: “*You sound like someone in one of Bridget’s novels.*” (K.A.: 199) «Твои рассуждения словно позаимствованы из романов Бриджет»; (A.K.: 181) “*it is a most miserable thing to feel ashamed of home*” (J.L.: 196) «бесконечно тяжело стыдиться родного дома». (J.Дж.: 266) Влияние книги на духовное развитие репрезентовано в оценке мальчика, дважды прочитавшего роман Диккенса, он “*twice- is more mentally prepared the most*” (J.I.: 27) «духовно подготовлен к жизни лучше многих других». (И.Дж.: 36)

Третья группа – рационалистические оценки. В их основании – практическая деятельность/опыт человека:

1) утилитарные – связаны с полезным, ценным: “*The cabinet is where we keep the esoteric, the valuable, the rare*” (D.S.: 25) «в этом шкафчике мы храним редкие, загадочные, по-настоящему ценные книги», (С.Д.: 34) “*it was more a commonplace book*” (M.O.: 229) «это более чем просто книга» (О.М.: 297) – о книге с личными записями, пометами; путеводитель по маршруту стал *my lifeline* (Ch.S.: 58) «моим спасательным тросом», (С.Ш.: 92) “*reading Staying Found I found north, south, east and west*” (Ch.S.: 66) «читая книжку «Как не заблудиться» отыскала север, юг, восток и запад» (С.Ш.: 104): “*These volumes are worth as much as the contents of the entire rest of the shop, more even.*” (D.S.: 25) «Содержание шкафчика стоит не меньше, а скорее всего, много больше – содержимого всех прочих книжных полок магазина вместе взятых», (С.Д.: 35) чтение “*it was always to relief*” (J.L.: 58) «всегда было для нас благом». (Л.Дж.: 84)

2) нормативные – включают понятия правильно/неправильно: “*as in all of the best books, there was the important page with the list of illustrations*” (M.O.: 10) «как и во всех лучших книгах, в этой был список иллюстраций»; (О.М.: 24) “*that isn't a real book... I mean serious... literature*” (Ch.S.: 149) «это не настоящая книга... не настоящая литература»; (С.Ш.: 227) “*it was on the banned list*” (K.A.: 358) «роман числится в списке запрещенных книг», (А.К.: 344) “*one of their forbidden books*” (K.A.: 358) «запрещенная литература». (А.К.: 344)

3) телеологические оценки. Их основанием является представление о (не)целесообразности, (не)результативности: “*but nothing would change for our reading it a second time. The story was set.*” (J.L.: 80) «повторное чтение ничего не изменит. Содержание книги устоялось раз и навсегда»; (Л.Дж.: 115) “*I had learned to enter the soul of another*” (J.L.: 50) «я научилась заглядывать в чужие души». (Л.Дж.: 115) К данной категории оценок, в частности, следует отнести положительные оценки, содержащие рекомендации о прочтении: “*I think you should because it is very interesting*” (S.Ch.: 10) «очень рекомендую, книга интересная»; (Ч.С.: 20) “*Have you read Dante? You should.*” (K.A.: 157)

«Читала Данте? Непременно почитай». (А.К.: 132) Широко представлены в литературе оценочные высказывания о чтении, как о возможности “*escape to another place*” (J.L.: 20) «мы находили прибежище в далеких краях», (Л.Дж.: 35) увидеть “*another piece of the world*” (J.L.: 21) «другую сторону мира». (Л.Дж.: 37), книги для персонажей стали “*the gateway to another world*” (D.S.: 24) «воротами в другой мир» (С.Д.: 33).

Самый распространенный вид оценок художественной литературы – психологические оценки: и интеллектуальные, и эмоциональные. Следует отметить, что граница между различными видами оценок достаточно условная, многие оценки содержат черты разных видов. Например, в категории ценности, прослеживается взаимосвязь утилитарной и эстетической оценки. Эстетическая оценка во многом опирается на этические нормы. В оценке художественных произведений преобладают положительные оценки, чаще всего выраженные репрезентантами – прилагательными с положительной оценочной составляющей разной степени и форм интенсификации: *favorite, interesting, good, great, best, greatest, very interesting*. *Favorite* – является самым частотным прилагательным, определяющим отношение к книгам, персонажам, авторам литературного произведения.

2.3 Экспрессивные средства выражения оценки в англоязычном тексте и переводе на русский язык

Оценка художественного произведения – результат речемыслительной деятельности человека, направленной на репрезентацию личности, продуцирование высказывания на основе интеллектуального и эмоционального восприятия текста. Успешность данной репрезентации выражается в степени воздействия на логическую и чувственную сферы адресата, поэтому в оценочных высказываниях широко используются различные изобразительные и выразительные средства, повышающие эмотивность оценочного суждения.

Рассмотрим фрагменты англоязычного текста и их переводы на русский язык с точки зрения использования экспрессивных лексико-стилистических средств в ситуации перцепции художественного произведения.

Метафора активно используется и в английском, и в русском языке, тем не менее, в результате анализа материалов исследования выявлены фрагменты, содержащие метафоры только в переводе. Например, словосочетание, выражающее увлеченность чтением: “*halfway through*” (S.Ch.: 10) в русском переводе стало метафорой: «половину проглотил»; (Ч.С.: 20) или: “*I loved them*” (D.S.: 27) – «Я просто не могла от них оторваться; (С.Д.: 37) словосочетание, выражающее сильную усталость: “*until I was completely exhausted*” (S.Ch.: 100) переведено метафорой: читал до тех пор «пока глаза не стали слипаться»; (Ч.С.: 126) количественное понятие о чтении: “*I have always been a reader*” (D.S.: 32) переведено с использованием русской метафоры: «Я с юных лет читала запоем»; (С.Д.: 43) внимательно слушали “*we kept listenning*” (J.L.: 18) – «мы обратились в слух». (Л.Дж.: 32)

Метонимия: данный прием часто используется при включении в текст интертекстов – имя автора используется вместо книги с его произведением: Данте, Диккенс, Бронте: “*I carried Herodotus*” (M.O.: 235) – «я всегда носил с собой Геродота». (О.М.: 305)

В материалах исследования есть примеры гиперболы: “*the Pasific Crest Trail, Volume 1: California was now my bible, but The Dream of a Common Language was my religion*” (Ch.S.: 60) – «путеводитель по МТХ стал ныне моей библией, но «Мечта об общем языке» была моей религией»; (Ш.С.: 95) “*When I was a child, books were everything*” (D.S.: 32) «в детстве книги были для меня всем»; (С.Д.: 43) “*this book is the ultimate proof that God exists*” (J.R.: 82) «это не просто книга, а неоспоримое доказательство существования Бога на Земле». (Р.Дж.1)

Нейтральная фраза в английском языке об авторах, «жестко» рассказывавших “*about rigors and rewards of the trail*” (Ch.S.: 40) в переводе

на русский язык трансформировалось в ироничное замечание о «трудностях и прелестях этого маршрута». (С.Ш.: 67)

Писатели и переводчики используют такие приемы, как: олицетворение: книга - голос мудреца и советчика: “*she imagined a voice speaking plainly and directly out of the wilderness into which she had stumbled*” (J.H.: 92) – «она хотела услышать голос, который просто и ясно объяснит ей, как жить»; (Х.Дж.: 91) неопределенность финала “*touches his heart more*” (J.H.: 29) «трогает его сердце сильнее» (Х.Дж.: 39) (в прямом значении данного глагола, это действие человека); книга – человек: “*he did not yet have a faith in books*” (M.O.: 109) – «Кип все еще не доверял книгам»; (О.М.: 150) перифраз: вечернее чтение: “*magic hours*” (D.S.: 24) – «волшебное время»; (С.Д.: 33) чтение – “*another world to spend the night in*” (J.L.: 20) возможность «проводить ночные часы в другом мире». (Л.Дж.: 35)

Пример эвфемизма содержится в переводе: высказывание о книге, от которой: “*my mother had died trying to keep me from reading*” (J.H.: 128) трансформировалось в «пыталась уберечь меня мать ценой своей жизни». (Х.Дж.: 125)

Самым распространенным тропом в художественных произведениях являются эпитеты: “*advanced novel*” (J.H.: 260) – «модный роман», (Х.Дж.: 241) “*the tales were brutal and sharp and heartbreaking*” (D.S.: 27) – «жестокие, пронзительные, душераздирающие истории», (С.Д.: 37) “*sinister illustrations*” (J.H.: 299) – «зловещие иллюстрации». (Х.Дж.: 273)

При переводе фразы: “*the stories with unfamiliar mood*” (D.S.: 27) переводчик использовал оксюморон: «сказки проникнуты совсем не сказочным настроением». (С.Д.: 37)

Помимо изобразительных средств, авторы и переводчики используют фигуры речи, в частности, лексический повтор создает эмоциональный эффект, например, при оценке одной и той же книги, автор пишет: “*absurd, funny*”; (J.R.: 51) «абсурдный, смешной»; (Р.Дж.1) “*ridiculous but funny*”; (J.R.: 52) «полный бред, но смешно» (Р.Дж.1) “*so funny and absurd*” (J.R.: 52)

«смешные и бредовые». (Р.Дж.1) Аналогичный эффект создает синтаксический повтор: “*Bernadette’s Austen was*” (К.Дж.1) – «Остен Бернадетты была»; (Ф.К.Дж.2) “*Sylvia’s Austen was*” (К.Дж.2) – «У Сильвии Остен была», (Ф.К.Дж.2) “*Allegra’s Austen was*” (К.Дж.4) – «Остен Аллегры писала». (Ф.К.Дж.2) Данная фигура речи очень популярна в английском языке, в русском используется с осторожностью, часто трансформируется при переводе.

Необычайно экспрессивно и в английском, и русском в тексте смотрятся односоставные предложения, например, “*Man, what a book!*” (Дж.Р.: 234) – «Что за книга!».

Для изображения нервного истощения, волнения главного героя во время чтения и в англоязычном тексте, и в переводе использован эллипсис: “*I read the book again that night because I knew that if I didn’t, I would probably start crying again. The panicky type, I mean. I read until I was completely exhausted and had to go to sleep. In the morning, I finished the book and then started immediately reading it again. Anything to not feel like crying.*” (С.Ш.: 102) – «На ночь опять почитал ту же книгу, а иначе, боюсь, я бы снова расплакался. От беспричинной тревоги. Читал до полного изнеможения, пока глаза не стали слипаться. Утром дочитал и сразу вернулся к началу. Опять же — чтобы не хотелось плакать.» (С.Ш.: 126)

Встречается в материалах исследования и умолчание. Например, о точной дате событий романа: “*In 193...*” (Дж.И.: 71) – «В 193...»; (И.Дж.: 86) о трудности одиночного пешего перехода по сложному туристическому маршруту, усталости, боли, страхе: “*No words can transmit those factors...*” (С.Ш.: 58) – «Передать эти факторы невозможно никакими словами...» (С.Ш.: 92) в русском переводе, здесь еще и двойное отрицание, которое тоже является фигурой речи.

При переводе оценочных прилагательных зачастую использованы интенсификаторы, увеличивающие экспрессивность оценки в русском языке: самый, очень, всегда: “*my favorite book*” (С.Ш.: 11) «моя самая любимая

книга», (Ч.С.: 21) книга была “*grown-up and boring*” (J.H.: 4) «слишком взрослой и скучной»; (Х.Дж.: 8) история – “*ridiculous*” (J.R.: 52) «полный бред»; (Р.Дж.1) “*an unjustifiable weight*” (Ch.S.: 60) «ничем неоправданный вес» (книг) (С.Ш.: 95) и усиливающие экспрессивность высказывания выражения: “*They are all my favorits. All of them.*” (S.Ch.: 67) – «Все они теперь мои любимые. Все до единой»; (Ч.С.: 87) “*I carried Herodotus*” (M.O.: 235) – «я всегда носил с собой Геродота». (О.М.: 305) Нейтральное высказывание о том, что учитель дает герою произведения книги с целью: “*to teach me a lesson of some kind*” (S.Ch.: 31) в переводе выглядит более экспрессивно за счет использования риторического вопроса: учитель «хочет, чтобы книга стала для меня уроком, только каким?» (Ч.С.: 46) В русском переводе активнее используется экспрессивная лексика: “*unread copy*” (J.I.: 230) – «всеми отверженная книга», (И.Дж.: 360) “*how much I liked the play*” (J.R.: 37) – «в полном восторге от пьесы», (Р.Дж.1) “*an amasing book*” (J.R.: 129) – «потрясная книга, настолько клевая», (Р.Дж.1) “*he’s very good*” (K.A.: 129) – «это просто блеск», (А.К.: 157) “*any mention of the book*” (K.A.: 185) – «при любом упоминании пресловутой книжки». (А.К.: 164)

Таким образом, анализ изобразительных и выразительных средств, использованных в англоязычном тексте и его переводе показал, оценочное суждение в русском языке носит более эмоциональный, экспрессивный характер, что подтверждает точку зрения многих ученых, о том, что поскольку англосаксонская культура не одобряет публичного проявления эмоций, традиции использования экспрессивных лексико-стилистических средств в английском и русском языках несимметричны. Словарь русского языка обладает более широкими возможностями для выражения эмоций и экспрессивности.

2.4 Выводы ко 2 главе

На основе корпуса исследования выявлены различные способы интертекстовых включений в художественный текст, позволяющие автору

показать собственную точку зрения, сюжетные/тематические планы, культурно-исторический фон произведения. Рассмотрены метатекстовые включения (заглавия, эпиграфы, наименования глав), содержащие положительную имплицитную оценочность – «оценку через использование»; в тексте произведений выявлены аллюзии, цитаты, микротексты и другие номинации. Авторы используют хорошо известные и англоязычному, и русскому читателю прецедентные тексты из Библии, классической литературы: А. Данте, Дж. Мильтона, Ш. Бронте, Дж. Остин, Р. Киплинга, Ч. Диккенса. Тем не менее, перевод интертекстуальных включений представляет определенную сложность и требует различных переводческих решений: введение дополнительного переводческого комментария, сокращение, добавление. При переводе цитат, переводчик, как правило, опирается на прецедентный переводной текст.

Как показывает материал, оценка литературных произведений носит субъективный характер и зависит личности читателя, его тезауруса и базы знаний, персональной системы ценностей и определенного лингвокультурологического пространства.

В исследовании рассмотрены элементы оценки литературного произведения и выявлено, что субъектом оценки могут быть индивидуумы и группы лиц, объединенные по возрастным, гендерным признакам, уровню образования, социальному статусу. При этом влиять на их оценочные суждения могут как внешние, так и внутренние факторы. Объектом оценки художественного текста является сложное образование, которое включает в себя оценку автора, персонажей, книги как физического объекта, ее содержание. По характеру – в корпусе исследования преобладают абсолютные оценки, выраженные прилагательными: *favorite*, *interesting*, *good*. Представлены и сравнительные оценки, как правило выражающие превосходство или равноценность книг, авторов. С точки зрения, оценочной шкалы, следует отметить, что преобладают положительные оценки – эмоциональные высказывания, вызванные ярким интеллектуальным и

эмоциональным переживанием: *favorite, wonderful, What's a book! Great! greatest, very good, very interesting*; меньше всего оценок – в зоне нейтрального отношения – неэмоциональные высказывания о книгах, не вызвавших интереса или эмоций: *to like, to be unimpressed*; отрицательные оценки выражены по отношению к неинтересным, скучным книги: *boring, too long, wordy*.

Особый интерес, с точки зрения оценки художественного текста, представляет классификация по частнооценочным предикатам, так как позволяет всесторонне рассмотреть субъектно-объектные отношения в ситуации оценки художественного произведения. В соответствии с данной классификацией в данном анализе рассмотрены: сенсорные оценки, сублимированные, рационалистические оценки и их подвиды. Преобладают сенсорные, а именно – психологические оценки: интеллектуальные и эмоциональные.

Сравнительный анализ экспрессивных лексико-стилистических средств выражения оценки в англоязычном тексте и переводе показал, что их количество несимметрично. Оценочное суждение в русском языке носит более эмоциональный характер, для усиления эмотивности высказывания, переводчики используют слова-интенсификаторы, спектр изобразительных и выразительных средств.

Заключение

Данное исследование посвящено теоретическому и практическому изучению вопросов, связанных с актуализацией характеристики художественного текста через призму авторского отношения, выраженного в оценочном суждении персонажа произведения в ситуации восприятия и оценки англоязычного литературного текста и его перевода на русский язык.

Как показывает анализ исследований ученых в области когнитивной лингвистики, психолингвистики – мыслительная, познавательная и речевая деятельность человека базируется на системе: язык, мышление и сознание; таким образом, язык стал важнейшим источником информации о ментальных и познавательных процессах, а языковое сознание – источником порождения текстов. При этом, по мнению многих ученых, формирование сознания происходит под влиянием родной культуры. В центре внимания современной лингвистики – триада: человек – язык – культура и их взаимодействие; на основе анализа языка, можно сделать вывод о национальных культурологических особенностях.

С точки зрения изучения когнитивных и речемышлительных процессов индивидуума, корпус художественных текстов является ценным исследовательским материалом для изучения языковой картины мира и языкового сознания, так как содержит описания ситуаций восприятия, осмысления в процессе мышления и речевого выражения в коммуникативном акте образа окружающего мира, отраженного в сознании человека и окрашенного влиянием национальной и социокультурной ментальности.

В процессе данного исследования выявлены основные элементы структуры оценки и на их основе произведен анализ фрагментов англоязычных художественных текстов, содержащих характеристику литературных произведений. Установлены средства репрезентации субъекта оценки, определена структура объекта оценки, включающая отношение к автору, персонажу, книге, как физическому объекту и духовному, нравственному проводнику, носителю знаний. Предложен новый взгляд на

оценочность: своего рода «оценка через использование», имплицитная оценка.

Представленная в настоящем исследовании структура объекта и субъекта оценки литературного произведения, порождает многообразие точек зрения, на основе которых оценка производится – оснований. С точки зрения чувственного опыта, ощущений субъекта, выявлены фрагменты литературных текстов, содержащих сенсорные оценки и их подвиды: сенсорно-вкусовые и психологические оценки. Основанием для сублимированных оценок (эстетических, этических) являются реакции, возникшие в результате эмоционального сопереживания, связанные с духовным началом человека. В основании рационалистических оценок – практическая деятельность, опыт, выявлены утилитарные, нормативные, телеологические оценки. По характеру оценок, в материале исследования преобладают абсолютные оценки, сравнительные представлены в значительно меньшем объеме. Также следует отметить, что подавляющее число оценок относятся к зоне положительного отношения по оценочной шкале. Наименьшее количество оценок относится к нейтральной зоне, что позволяет сделать вывод о функциональном свойстве литературы пробуждать эмоциональную и интеллектуальную реакцию; произведения, которые не произвели сильного впечатления, очевидно, не стоят упоминания и в тексте приводятся, скорее для контраста.

Поскольку объективные и субъективные факторы в оценочных высказываниях, характеризующих литературное произведение, тесно связаны, возникает вопрос об истинности и ложности оценки. Современные теории, в частности, теория речевых актов, рассматривает оценочные суждения с точки зрения не истинности высказывания, а искренности субъекта.

Многие исследователи указывают на единство мышления и эмоций человека, так как человеческой мысли свойственны и логическое содержание, и чувство. Поэтому деление оценок на эмоциональные и рациональные

условно. Тем не менее, анализируя способы их выражения в речи, можно сделать вывод о преобладании интеллектуальной или эмоциональной доминанты. В целом, граница между различными видами оценок условная, в частности, прослеживается связь между утилитарными и эстетическими, эстетическими и этическими оценками.

Следует отметить, что интертекстуальные включения в художественный текст, их оценка, не являются для автора самоцелью. Посредством текстовых номинаций автор ведет диалог с читателем, репрезентует собственное видение и отношение, описывает культурно-исторический фон повествования, имплицитно вводит сюжетные планы, создает эмоционально-психологическую атмосферу произведения. Через оценочные высказывания персонажей о книгах, автор раскрывает их личностные черты, мировоззрение, показывает влияние внешних и внутренних факторов, в том числе, чтения, на становление личности героев, их духовные и интеллектуальные трансформации, отражает процесс познания окружающего мира и самопознания.

Исследование лингвокультурологического пространства корпуса англоязычных художественных текстов и их переводов на русский язык, сравнение языковой актуализации оценочного суждения подтверждает мнение ученых-лингвистов о несимметричности использования экспрессивных лексико-стилистических средств в английском и русском языке и позволяет сделать вывод о культурологических особенностях наций. Русскому языку свойственно более эмоциональное, экспрессивное выражение оценочного суждения, что нашло отражение в корпусе переводных текстов. Перспективой дальнейшего исследования на основе данного материала, может стать анализ синтаксических преобразований, лексических и грамматических трансформаций, используемых переводчиками.

Настоящее исследование находится в русле современного интереса к изучению речемыслительной, познавательной деятельности человека и может

быть продолжено, в частности, на уровне «эмических» и «этических» лингвистических единиц в ситуации восприятия и оценки художественного текста.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. Т.2. – М.: Восточная литература, 1995. – 767 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 10-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 384 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Яз. рус. культуры 1999. – 894 с.
4. Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. К.А. Долинина; Под ред. Е.Г. Эткинда; Вступ. статья Р.А. Будагова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
5. Бахтин М.М. Собрание сочинений [в 7 т.]. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов; Ин-т мировой лит. им. М. Горького Российской акад. наук. – М.: Русское слово, 2003 – 955 с.
6. Богин Г.И. Современная лингвистика. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: [пер. с англ.]; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
8. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
9. Выготский Л.С. Из неизданных материалов. – В кн.: Психология грамматики. М.: Изд-во МГУ, 1968. – с. 182-192.
10. Гумбольдт Ф. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 376 с.
11. Елизарова Г.В. Культурологическая лингвистика: Опыт исследования понятия в методологических целях. – СПб.: Бельведер, 2000. – 137 с.
12. Иванова Е.В. Лексикология и фразеология современного английского языка = Lexicology and Phraseology of Modern English: учеб. пособие

- для студ. учреждений высш. проф. образования. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2011. – 352 с.
- 13.Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского. гос. у-та, 2010. - № 4 (12). – С.
- 14.Ивин А.А. Основания логики оценок. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 230с.
- 15.Изард К.Э. Эмоции человека / Пер. с англ.; Под ред. Л.Я. Гозмана, М.С. Егоровой. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 439 с.
- 16.Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
- 17.Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 262 с.
- 18.Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – 9-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – С. 344-368.
- 19.Красных В.В. Основы психолингвистики: Лекционный курс. Изд. 2-е, доп. – М.: Гнозис, 2012. – 333 с.
- 20.Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. – М.: Гнозис, 2016. – 496 с.
- 21.Кристева Ю. Семиотика: исследования по семанализу / Пер. с фр. Э.А. Орловой. – М.: Академический Проект, 2013. – 285 с.
- 22.Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Отв. ред. Б.А. Серебренников. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 160 с.
- 23.Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
- 24.Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. Изд. 7-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 216 с.

25. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.
26. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 6-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 296 с.
27. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре: Монография. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
28. Муратова Е.Ю. Интертекстуальность как фактор смыслопорождения в поэтическом тексте // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. – 2012. - № 2. – С. 29-33.
29. Найденова Н.С. Лингвостилистический анализ этноспецифического художественного текста: сопоставительное исследование: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 344 с.
30. Петрова Е.С., Тонкова Н.И. Интертекстуальность заглавий в лингвокультурном пространстве подлинника и перевода // Университетское переводоведение. Вып. 5. Отв. ред. В. Шадрин, 2004. – С. 261 – 270.
31. Петухова Т.И. Языковая актуализация ситуации восприятия и оценки произведения живописи (на материале английского языка): Дис. канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб, 2007. – 193 с.
32. Потебня А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
33. Рубакин Н.А. Психология чтения и книги. Краткое введение в библиологическую психологию // Библиопсихология. Библиопедагогика. Библиотерапия / Отв. ред. Н.Л. Карпова. – М.: Русская школьная библиотечная ассоциация. 2014. – С. 76-83.
34. Русский язык: Энцикл. / Под ред. Ю.Н. Караулова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БРЭ, 1997. – 704 с.
35. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков и др. – М.: Гнозис, 2004. – Вып. 1. – 318 с.
36. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – Изд. 2-е. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 696 с.

37. Сырица Г.С. Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие. – 2-е изд., стер. - М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 344 с.
38. Теплов Б.М. Заметки психолога при чтении художественной литературы // Избранные труды в 2-х т. – М.: Педагогика, 1985.
39. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте. Дисс. докт. фил. наук. СПб., 1999.
40. Хомякова Е.Г. Новые герои старых ситуаций. // Homo Esperans, СПб, Тбилиси, Батуми, 2006. - № 2.
41. Худолей Н.В. Интертекстуальность и интертекст как феномены художественной коммуникации: теоретический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – Вып. 11. – Ч.1. – С. 195-198.
42. Lakoff, G. Metaphors We live by. Chicago, L.: The Univ. of Chicago Press, 1980. – 328 p.
43. Wright G.H. The Varieties of Goodness. Thoemmes, 1997. – 234 p.

Список художественных текстов

Англоязычные тексты

- 1.K. Atkinson Life After Life. – Reagan Arthur Books, 2013. – 530 p.
- 2.L. Jones Mister Pip. – John Murray, 2008. – 219 p.
- 3.Irving J. The Cider House Rules. – Transworld Digital; New Ed edition, 2012. – 599 p.
- 4.M. Ondaatje The English Patient. – Vintage Books, 1993. – 304 p.
- 5.J. Van De Ruit Spud. – Penguin, 2008. – 364 p.
- 6.D. Setterfield The Thirteen Tale. – Orion, 2007. – 425 p.
- 7.Ch. Strayed Wild: From Lost to Found on the Pacific Crest Trail. – Atlantic Books; Open Market Ed edition, 2012. – 318 p.
- 8.K.J. Fowler The Jane Austen Book Club. – Penguin; 1 edition, 2005. – 286 p.
- 9.J. Harwood The Ghost Writer. – Vintage Digital; New Ed edition, 2011. – 374 p.
- 10.S. Chbosky The Perks of being a Wallflower. – London, Sidney, New York, Toronto: Pocket Books, 2009. – 232 p.

Переводы на русский язык

1. Аткинсон К. Жизнь после жизни / Пер. с англ. Е. Петровой. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 544 с.
2. Джонс Л. Мистер Пип / Пер. с англ. Е. Петровой. – М.: Эксмо, СПб: Домино, 2012. – 301 с.
3. Ирвинг Дж. Правила виноделов / Пер. с англ. М. Литвиновой. – СПб: Амфора, 2009. – 764 с.
4. Ондатже М. Английский пациент / Пер. с англ. Н.Г. Кротовской. – М.: Издательство «Э», 2017. – 416 с.
5. Рюит Дж. ван де. Малек / Пер. с англ. Ю. Змеевой // <http://www.libros.am/book/read/id/182141/slug/maljok>
6. Сеттерфилд Д. Тринадцатая сказка / Пер. с англ. В. Дорогокупли. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 448 с.

7. Стрэйд Ш. Дикая. Опасное путешествие как способ обрести себя. – М.: Издательство «Э», 2016. – 464 с.
8. Фаулер К. Дж. Книжный клуб Джейн Остен / Пер. с англ. М. Семенович // <http://fanread.ru/book/4615921/?page=1>
9. Харвуд Дж. Тень автора / Пер. с англ. И. Литвиновой. - СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 352 с.
10. Чбоски С. Хорошо быть тихоней / Пер. с англ. Е. Петровой. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 288 с.